

**ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО «РАДЕТЕЛЬ»**

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
16**

**МОСКВА
2015**

Главный редактор: д.и.н., проф. С.В. Алексеев

Редакционная коллегия:

д. и. н. Д.М. Володихин (заместитель главного редактора),
д.и.н. О.А. Плотникова,
к.и.н., доц. Г.А. Елисеев,
к.и.н. О.И. Елисеева,
к.и.н., доц. А.А. Инков (ответственный секретарь)

Редакционный совет:

д.и.н., проф., заслуженный деятель науки РФ А.А. Королев (председатель),
д.и.н., проф. С.В. Алексеев,
д.и.н. А.П. Богданов,
д.и.н., проф. Ю.А. Васильев,
д.и.н., проф. Д.Д. Пеньковский,
д.и.н., проф. С.И. Реснянский,
д.и.н. А.Б. Ручкин

Историческое обозрение. Вып. 16. М.: НП «Историко-просветительское общество “Радетель”»; Изд-во НИБ, 2015. – 42 с.

Шестнадцатый выпуск ежегодного альманаха включает публикацию ряда научных статей, посвященных различным проблемам отечественной истории и историографии.

© Авторы статей, 2015

Издательство Национального института бизнеса
111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5, к. 6
Подписано в печать 04.07.2015. Тираж 500 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Володихин Д.М. Взгляды Н.И. Костомарова на роль патриарха Гермогена в формировании земского освободительного движения	4
Казаков А.А. К вопросу о происхождении Марии Шварновны, супруги великого князя Всеволода Большое Гнездо	8
Тарасов Ю.А. Происхождение новгородских словен	26
Ручкин Б.А. Российское общество: патриотизм XXI века в зеркале экспертного опроса	34
Сведения об авторах и аннотации статей	39
Правила представления рукописей авторами	41

ВЗГЛЯДЫ Н.И. КОСТОМАРОВА НА РОЛЬ ПАТРИАРХА ГЕРМОГЕНА В ФОРМИРОВАНИИ ЗЕМСКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Николай Иванович Костомаров – знаменитый ученый-историк XIX в., близкий друг Т.Г. Шевченко, соратник по Кирилло-Мефодиевскому братству. Он известен, главным образом, своими работами по истории Допетровской эпохи и XVIII в. Судьбы крупных фигур Смутного времени начала XVII столетия – одна из центральных тем в научном творчестве Н.И. Костомарова. Притом значительное место в истории Смуты историк уделял крупному деятелю Церкви – патриарху Московскому и всея Руси Гермогену. Взгляды Н.И. Костомарова на роль Гермогена в истории складывания Первого земского ополчения значительно повлияли на последующую историографию, вызвали многократную цитацию. Они-то и являются предметом исследования в рамках настоящей статьи.

Прежде всего, надо отметить, что оценка Гермогена в работах Н.И. Костомарова претерпела значительную динамику.

Еще в 1860-х годах он придерживался традиционной позиции, в рамках которой Гермоген рассматривался как один из зачинателей земского освободительного движения, его духовный водитель, а в какой-то степени и практический «администратор», поскольку в рамках российской академической науки середины XIX в. не оспаривался факт рассылки Гермогеном грамот, призывавших к вооруженному отпору поляком.

Так или приблизительно так представляла себе историю с патриаршими грамотами большая группа историков и публицистов. Самые крупные величины среди них – митрополит Макарий (Булгаков), Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, Н. Мансветов, И.Е. Забелин¹. Однако ими названная группа далеко не исчерпывается.

У Карамзина сказано не столько о письмах патриарха, сколько о тайных беседах его, имевших смысл и значение грамот: «Что может народ в крайности уничижения без вождей смелых и решительных? Два мужа, избранные Провидением начать великое дело... и быть жертвою оною, бодрствовали за Россию: один старец ветхий, но адамант Церкви и государства – патриарх Гермоген; другой, крепкий мышцею и духом, стремительный на пути закона и беззакония – Ляпунов Рязанский... Ермоген в искренних беседах с людьми надежными. Ляпунов в переписке с духовенством и чиновниками областей. Убеждали их не терпеть насилия иноплеменников». Таким образом, земское движение, по Карамзину, вытекло из слов и действий двух *равновеликих* основателей – Гермогена и Прокофия Ляпунова.

Забелин прямо пишет о грамотах. По его мнению, тайное хождение патриарших писем оказалось достаточным поводом, чтобы вызвать в городах настроение активного протеста. Но Гермоген еще и поучаствовал в заговоре против поляков как руководитель практических действий (Бог весть, насколько верно это смелое утверждение): «Семибоярский подвиг вскоре должен был встретить сильный отпор и негодование по всей земле. Коварство врагов тотчас было почувствовано и понято вполне, и Земля стала со-

¹ Макарий (Булгаков). История Русской церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 99—104; Карамзин Н.М. История Государства Российского в XII томах в 3 книгах. М., 2004. Кн. 3. С. 734—741; Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 4. М., 1989. С. 604—605, 615; Мансветов Н. Патриарх Гермоген // Духовная беседа. 1861, № 34. С. 388—394; Забелин И.Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1999. С. 80—81, 275—277.

бираться на свою защиту. Первое слово было произнесено патриархом Гермогеном. Оно было сказано в самом Кремле, посреди врагов; оттуда сначала прокрадывалось в города таинственно, раздавалось в городах все громче, а затем охватило все умы одним торжественным кликом: стать всем заодно и очистить Землю от врагов... На той же неделе как только поляки вошли в Кремль под начальством Гонсевского и вместе с боярами составили правительство, стольник Вас. Ив. Бутурлин, отпросясь у бояр в свое поместье, съехался в Рязани с Пр. Ляпуновым, и положили они тайно на слове, поляков в Москве побить и стоять войною против короля и королевича. *Можно с большою вероятностью предполагать, что поездка Бутурлина была справлена по мысли патриарха Гермогена».*

Можно констатировать: позиция, в рамках которой Гермоген мыслится как первоустроитель и духовный наставник земского ополчения, имеет за собой весьма значительную историографическую традицию.

И первое время Н.И. Костомаров работал, не покидая ее пределов. Однако впоследствии он стал основоположником иного взгляда.

В работе 1866 г. он еще пишет: «Поляки и их русские сторонники в Москве стали открыто говорить, что следует целовать крест не одному Владиславу, а вместе и Владиславу, и отцу его Сигизмунду. Это уже явно показывало, что идет дело вовсе не о том, чтобы Владислав, польский королевич, был на московском престоле, а о том, чтобы все Московское государство признало государем короля польского и таким образом было бы присоединено к Польше. Но все знали, что Сигизмунд был всею душою католик, и в своем польско-литовском государстве паче всего о том старается, чтобы весь православный народ, ему подвластный, подчинить власти римского папы. Справедливо было бы опасаться, чтоб и в Московском государстве, если он им овладеет, не началось того же. Тогдашний глава духовенства патриарх Гермоген, как ему и подобало, яко верховному пастырю, стал возбуждать народ в защиту веры. Старик он был крутой, суровый, неподатлив ни на какие прельщения. Поляки никак не могли его обойти и обмануть. С самого начала, как послы русские с ними вошли в согласие, Гермоген один им не верил, не терпел латинства, был против выбора Владислава; притихнул было на время, а как польские хитрости стали выдаваться на явь, так начал писать грамоты и призывал православный русский народ на оборону своей веры. Его воззвание кстати пришлось рязанскому воеводе Прокопию Ляпунову...»¹

В другой работе того же периода историк предъясняет аналогичную точку зрения, вполне традиционную: после смерти Лжедмитрия II к Гермогену «...приходили из разных краев русские люди». Патриарх, как говорит Костомаров, всех благословлял стать за веру и за Русскую землю, всем говорил: «Вы королевичу присягнули только на том, чтобы ему креститься в русскую веру, а если он не крестится и литовские люди не выйдут из Московского государства, то королевич не государь нам». Эти же речи, отмечает Костомаров, он писал в своих грамотах и рассылал их. Одну такую грамоту, следуя иностранным источникам, поляки перехватили. После того поляки дали приказание, чтоб никто из московских жителей не держал у себя оружия, и у кого оно было, те должны были сносить его в царскую казну. «Патриарха снова стали стеснять», — справедливо сообщает Костомаров и далее аргументирует свой тезис: у Гермогена увели него дяков и подъячих, отняли бумагу, чтоб не дать ему писать грамот, взяли и дворовых людей, чтоб не было кого посылать с грамотами. Однако неприятель, как полагает Костомаров, не усмотрел за энергичным патриархом: писать Гермоген уже не мог, а говорить с русскими людьми еще мог. Явились к нему под благословение ниже-

¹ Костомаров Н.И. Повесть об освобождении Москвы от поляков в 1612 году и избрание царя Михаила. СПб., 1897. С. 11

городцы, сын боярский Роман Пахомов да посадский человек Родион Мокеев. Он им передал на словах: «писать мне нельзя: все побрали поляки и двор у меня пограбили; а вы, памятуя Бога и Пречистую Богородицу и московских чудотворцов, стойте все заодно против наших врагов». Когда это известие посланцы принесли в Нижний Новгород, там составилась совет. Пригласили балахонцев. Вместе с ними нижегородцы присягнули на кресте стоять за Москву и идти ополчением против поляков и литовских людей. Это решение впоследствии было послано к Ляпунову¹.

Итак, Н.И. Костомаров, еще в 1860-х разделял точку зрения Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева и других сторонников первостепенной роли Гермогена в дни зарождения земской армии.

Но затем (1870-е) он перешел на другую платформу. Да, он по-прежнему пишет о «подвиге» Гермогена, но в то же время резко сужает рамки этого подвига.

Костомаров реконструирует события следующим образом: 6 декабря 1610 года, на следующий день после того, как бояре потребовали у патриарха подписать грамоту к послам под Смоленск, где говорилось, что надо во все положиться на волю короля, а он отверг эту идею, Гермоген «...приказал собираться народу в соборной церкви и слушать его слово. Поляки испугались и окружили церковь войском. Некоторые из русских успели, однако, заранее войти в церковь и слышали проповедь своего архипастыря. Гермоген уговаривал их стоять за православную веру и сообщать о своей решимости в города. После такой проповеди приставили к патриарху стражу». Далее Ляпунов, *безо всякого послания от Гермогена*, просто услышав о такой его проповеди, собрал грамоты патриотического содержания (но не Гермогеновы) и присовокупил к ним свои, призывавшие к действию. Они-то и стали зерном, из которого выросло земское освободительное движение, начало расти ополчение. Костомаров отдает патриарху только одну грамоту – в Нижний, о непризнании царем «Маринкина сына» (август 1611 г.). Грамота эта «...по его приказанию была рассылаема по разным городам и подготавливала русский народ к новому восстанию».²

Таким образом, Ляпунов «оттесняет» фигуру Гермогена от роли первой скрипки в «увертюре» к рождению земского воинства. Кроме того, сводит ранние, относящиеся к зиме 1610/1611 г. действия Гермогена к чисто конфессиональной сфере, удалив их от сферы политической. О патриарших грамотах Костомаров не пишет (не отрицая, но и не утверждая их наличия), помимо единственной, появившейся в ту пору, когда Первое земское ополчение давно действовало под Москвой.

Эта точка зрения впоследствии получит развитие и уже в XX столетии приобретет значительное количество сторонников, хотя в источниках не обнаруживается сколько-нибудь серьезных свидетельств, ее подтверждающих. В сущности, можно предполагать эволюцию взглядов Н.И. Костомарова под действием общественно-политических факторов и ни в коей мере не научных.

Список литературы:

- Забелин И.Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1999.
Карамзин Н.М. История Государства Российского в XII томах в 3 книгах. М., 2004. Кн. 3.
Костомаров Н.И. Господство дома св. Владимира: Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1993.

¹ Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия // Костомаров Н.И. Собрание сочинений. Кн. 2. Спб., 1904. С. 513.

² Костомаров Н.И. Господство дома св. Владимира: Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1993. С. 725—731.

Костомаров Н.И. Повесть об освобождении Москвы от поляков в 1612 году и избрание царя Михаила. СПб., 1897.

Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия // Костомаров Н.И. Собрание сочинений. Кн. 2. СПб., 1904.

Макарий (Булгаков). История Русской церкви. М., 1996. Кн. 6.

Мансветов Н. Патриарх Гермоген // Духовная беседа. 1861, № 34.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 4. М., 1989.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МАРИИ ШВАРНОВНЫ, СУПРУГИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВСЕВОЛОДА БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО

Проблема этнической принадлежности супруги великого владимирского князя Всеволода Юрьевича княгини Марии остается по сей день предметом дискуссии. Летописные источники предлагают на этот счет две противоположных точки зрения.

Одна из них свидетельствует о яском происхождении княгини. Действительно, в Ипатьевской летописи содержатся сведения о том, что свояченица великого князя Всеволода, «ясыня», была выдана замуж за младшего сына киевского князя Святослава Всеволодовича Мстислава¹. Исходя из свидетельства летописи, логичен вывод: если свояченица Всеволода – то есть сестра его жены – была осетинкой, соответственно, и сама Мария тоже.

Противоположная версия говорит о чешских корнях княгини Марии. Впервые появившись в одном из списков Новгородской первой летописи младшего извода первой четверти XV в.², сведения о чешском происхождении княгини обнаруживают себя и в более поздних летописных сводах.

Сообразно указаниям источников две версии о происхождении княгини получили хождение и в историографии. Так, Н.М. Карамзин писал о великой княгине, что она была «родом Ясыня»³, правда, с оговоркой в примечаниях: «По другому ж известию первая супруга Всеволодова Мария, была дочь Князя *Чешского* или Богемского, Шварна... Тело ее лежит в Владимире, в Успенском Девичьем монастыре, в приделе Благовещения, в олтаре, и в надписи сия Княгиня именована Марфю *Шварновною*. Имя Марфы дано ей в Монашестве»⁴.

В 1825 г. в журнале «Северный архив» П. Бутковым была опубликована статья «О браках Князей Русских с Грузинками и Ясынями, в XII веке». Сочинение это, бесспорно, нуждается в критическом к себе отношении, о чем будет повод сказать ниже. По поводу же княгини Марии Бутков пишет следующее: «Всеволод Георгиевич..., брат Боголюбского, имел жену Ясыню Марию, скончавшуюся 1205 года; сестра же ее была с 1182 года за Мстиславом, сыном Святослава, Великого Князя Киевского»⁵.

В фундаментальной монографии А.В. Флоровского, посвященной истории русско-чешских связей с древнейших времен, в разделе «Русские связи с Чехией и Моравией в XI – XII вв.» исследователь предлагает небезынтересную гипотезу о связях князя Всеволода с чешским князем Владиславом II и императором Фридрихом Барбаросой. Тем не менее, фрагментарность материала источников заставляет А.В. Флоровского склониться к версии, что «Мария (Марфа) была, кажется, по происхождению ясыня»⁶.

¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 624 – 625.

² ПСРЛ. Т. III. С. 468. Датировка основывается на упоминании в рукописи в качестве великого князя Василия Дмитриевича, которым завершается перечисление великих московских князей.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. II – III. М., 1991. С. 429 – 430.

⁴ Там же. С. 535. Прим. 62.

⁵ Бутков П. О браках Князей Русских с Грузинками и Ясынями, в XII веке // Северный архив. 1825. № IV. С. 328.

⁶ Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X – XVIII вв.). Том первый. Praha, 1935. С. 88 – 90.

Любопытная точка зрения о происхождении княгини Марии принадлежит М.В. Щепкиной. В статье 1972 г. «О происхождении Успенского сборника» исследовательница связывает появление последнего с именем княгини Марии¹. Анализируя же содержание сборника, М.В. Щепкина находит доказательства в пользу ее моравского происхождения. Несмотря на то, что доводы, приводимые исследовательницей в защиту своей точки зрения, содержат ряд досадных оплошностей, в целом построения Щепкиной задают направление для дальнейших разысканий в этом вопросе.

Обоснованиям чешского происхождения княгини Марии посвящена и статья Л.С. Кишкина. Отмечая, что едва ли с полной уверенностью можно склоняться к той или иной версии происхождения великой княгини, исследователь ставит целью привести максимум прямых и косвенных доказательств ее чешского происхождения².

Небольшое исследование о княгине Марии в рамках обширного труда по имянаречению в княжеской среде на Руси X – XVI вв. принадлежит перу А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского³. Исследователи уделяют внимание не только самой великой княгине, но и ее сестрам, «ясыне», выданной за князя Мстислава Святославича, и княгине Ярославлей, супруге новгородского князя Ярослава Владимировича, отмечая, что «нет никакой необходимости приписывать осетинские корни все трем сестрам». Вместе с тем, для А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского характерно осторожное отношение к версии о чешском происхождении княгини, они выдвигают гипотезу о новгородских корнях Марии, замечая при этом, что таковую гипотезу «в настоящий момент следует считать лишь незрелым плодом многоступенчатой реконструкции».

Таким образом, историографические наработки по интересующему нас вопросу относятся целиком и полностью к области гипотез. Поэтому было бы странным, если бы и мы, внося свой вклад в разработку проблемы, стремились к окончательному решению вопроса о том, была ли княгиня Мария яского или чешского происхождения. Однако обращение к источникам все же позволяет несколько скорректировать и уточнить высказанные в историографии мнения.

Важный вопрос, который необходимо разъяснить, касается Всеволодовой свояченицы, той самой «ясыни», упоминание о которой содержит Ипатьевская летопись; по сути, на единственной этой обмолвке и строится версия о яском происхождении ее сестры, княгини Марии. Летописные сведения о браке князя Мстислава Святославича и «ясыни» следует признать уникальными, но возможности для критики сообщений летописца все-таки есть.

Сведения Ипатьевской летописи о замужестве «ясыни» весьма интересны, но нередко их сводят только к записи под 6690 г.: «Князь Киевский Святослав Всеволодич ожени два сына: за Глеба поя Рюриковну, а за Мьстислава Ясыню из Володимера Суждальского, Всеволожою свесть»⁴. Следует обратить внимание, что данное сообщение фактически дублирует информацию, изложенную летописцем двумя годами ранее. Известия под 6688 г. довольно обширны и среди прочего содержат подробный рассказ о том, как князь Рюрик Ростиславич оставил борьбу за киевский стол в пользу Святослава Всеволодовича: «Съступись ему старешиньства и Киева, а собе возя всю Рускую

¹ Щепкина М.В. О происхождении Успенского сборника // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 60 – 80.

² Кишкин Л.С. Мария Всеволожая – ясыня или чехиня? // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха Средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972. С. 253 – 268.

³ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X – XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 368 – 381.

⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб 624 – 625.

землю; и утвердившись крестом честным и тако живяста у любви и сватством убоемшеся». Вслед за сведениями о скрепленном сватовством примирении Рюрика и Святослава летописец в самом конце статьи 6688 г. сообщает: «Всеволод же Суждальский пусти Глеба Святославича из оков, прия великую любовь со Святославом, и сватася с ним, и да за сына его меньшаго свесть свою»¹. Рассказ летописи о тех событиях выглядит целостным и логичным: примирение Рюрика и Святослава, скрепленное сватовством Рюриковны и Святослава сына Глеба, на тот момент плененного Всеволодом Юрьевичем, открывало для последнего отнюдь не радужные перспективы столкновения с коалицией Рюрика Ростиславича и Святослава Всеволодовича, поэтому владимирский князь поспешил отпустить Глеба и скрепить дружественные отношения с киевским князем женитьбой его младшего сына на свояченице.

Все это, впрочем, не снимает вопроса о том, почему одна и та же информация о княжеских браках была продублирована летописцем с разницей в два года. Конечно, можно предположить, что между сватовством и непосредственно свадьбой прошло какое-то время; это предположение можно считать обоснованным применительно к женитьбе Рюриковны и Глеба, поскольку в изложении событий под 6688 г. говорится только о сватовстве, которое, возможно, состоялось в тот момент, когда Глеб томился в узах во Владимире Суздальском. Однако относительно женитьбы младшего Святославича и «ясыни» схема эта перестает работать, ибо в рассказе содержится непосредственное указание, что Всеволод «да» за Святославича «свесть свою».

Путаницу датировок разрешает хронологический разбор статей Ипатьевской летописи, относящихся к 6688 – 6690 гг. Согласно результатам разысканий Н.Г. Бережкова, события, отнесенные Ипатьевской летописью к 6688 г., происходили «в течение двух смежных годов», а именно: мартовских 6688 (1180/1181) и 6689 (1181/1182), причем события, связанные со сватовством Святослава с Рюриком и Всеволодом относятся к мартовскому 6689 г., а исследователь высказывает предположение, что в протографе Ипатьевской летописи, киевском своде конца XII в., 6689 г. либо не был обозначен, либо оставался пустым. Поэтому сводчик начала XIV в. вынужден был заполнить 6689 г. единственным сообщением о смерти княгини Ольги, сестры великого князя Всеволода Юрьевича, очевидно, почерпнув эту информацию из владимирского летописания. Но, согласно Лаврентьевской летописи, смерть Ольги Юрьевны пришлась на ультрамартовский 6691 г., то есть мартовский 6690 г., поэтому Н.Г. Бережков небезосновательно посчитал появление статьи 6689 г. в Ипатьевской летописи ошибкой. Касаясь же событий следующего, 6690 г., под которым помещены сведения о женитьбе сыновей Святослава Всеволодовича, Н.Г. Бережков указал, что год этот обозначен «единицею ниже мартовского», что тоже ошибочно, известия же, помещенные под этим годом, относятся к мартовскому 6691 (1183/1184) г. на основании сравнения содержания статьи – рассказа о походе Всеволода Юрьевича и Владимира Святославича, старшего брата оженившихся в том же году Глеба и Мстислава, на болгар – с аналогичными сообщениями Лаврентьевской и Новгородской первой летописей². Впрочем, ни та, ни другая не содержат известий о женитьбе Святославичей, поэтому датировка этого события 6690 г. может быть привязана только к тому несохранившемуся источнику, из которого составитель Ипатьевского свода почерпнул информацию. И если допустить, что женитьба Святославичей там была обозначена ультрамартовским 6690 г., многое встает на свои места. Вопрос о том, почему известия о женитьбе Глеба и Мстислава Святославичей на Рюриковне и «ясыне» оказались в рамках одного свода отнесены к двум разным датам, отпадает сам собой: ультрамартовский 6690 г. суть мартовский 6689 г., а именно к это-

¹ ПСРЛ. Т. II. Стб 624.

² Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 200 – 201.

му году приурочены известия о сватовстве Рюрика и Всеволода к Святославу. В этом случае сам собою напрашивается вывод, что известия о браках были взяты составителем Ипатьевского свода из двух разных источников, в которых они были датированы мартовским и ультрамартовским годами соответственно; не сумев разрешить проблему датировки, составитель свода продублировал информацию о браках Святославичей, в результате чего она оказалась разнесена по двум разным годам. Опираясь на наблюдения М.Д. Приселкова¹, можно высказать предположение, что первое известие о женитьбе Святославичей восходило к киевскому своду Ростиславичей, а второе – к киевскому или черниговскому своду со сведениями о деятельности Святослава Всеволодовича. Отметим, кстати, что к своду Святослава Всеволодовича, возможно, восходит уникальное упоминание о браке старшего Святославича – Владимира с племянницей Всеволода Юрьевича княжной Михалковной²; вероятно, бракам с представительницами семейства Всеволода Большое Гнездо князь Святослав придавал большое значение.

Таким образом, факт, что супруга князя Мстислава Святославича действительно была свояченицей Всеволода и сестрой Марии, является бесспорным, ибо восходит к двум независимым источникам; с другой стороны, следует отметить, что Всеволодова «свесь» лишь в одном случае названа «ясыней» и при этом сказано, что взята она была из Владимира Суздальского, а это делает утверждения о ее яском происхождении и пребывании до поры до времени при сестре во Владимире если небесспорными, то во всяком случае дает право в них усомниться.

Попытка подвергнуть сомнению, что именование княжны «ясыней» служит однозначным указанием на ее этническое происхождение, принадлежит М.В. Щепкиной. Придерживаясь мнения о моравских корнях княгини Марии, исследовательница отмечала, что «слово “ясыня” надо понимать не как название национальности, а как топографическое прозвище, по городу, селению или замку. Поселения с подобным названием встречаются в Чехии в области реки Моравы, ср. *Jasená, Jasenov, Jasenica...* Таким образом, возможно, что прозвище Ясыня говорит о том, что Мария Шварновна происходила из какого-то небольшого княжества или поместья, расположенного в Моравской области»³. Недостатком этой небезынтересной гипотезы следует признать то, что бытование подобных топонимов не привязано к конкретной местности хронологически, во всяком случае М.В. Щепкина не приводит каких-либо конкретных названий, которые могли бы существовать в Моравии в XII в.

С другой стороны, А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский обратили внимание, что брак Марии с Всеволодом и женитьба Мстислава Святославича на «ясыне» разделены «по крайней мере шестилетним (а возможно, и существенно более длительным) интервалом. Скорее всего, у этих сестер, таким образом, была достаточно значительная разница в возрасте. Это позволяет, в свою очередь, допустить, что младшая и старшая могли быть рождены от разных браков... В таком случае «ясыня» могло быть этнонимом или прозвищем, пришедшим к младшей сестре от того, кто не был родителем старшей, вероятнее, из рода матери... Возможность такого именованья по роду матери подкрепляется еще и тем, что у Всеволода были две свояченицы, выданные замуж за князей. Именование одной из них, жены Мстислава Святославича, «ясынею» позволяет отличить ее от другой сестры, жены Ярослава Владимировича»⁴.

Подобное замечание, безусловно, резонно, особенно если учесть, что к моменту замужества «ясыни» её сестра княгиня Мария не единожды успела стать матерью. В

¹ Приселков М.Д. История русского летописания XI – XV вв. СПб., 1996. С. 86 – 88.

² ПСРЛ. Т. II. Стб 612.

³ Щепкина М.В. Указ. соч. С. 71.

⁴ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Указ. соч. С. 374.

Ипатьевском своде под 6686 г. сказано: «Того же лета до Дмитрова дни родися у великого Всеволода четвертая дчи и нарекоша имя во святом крещении Полагья, а князья Сбыслава, и крести ю тетка Ольга»¹. Согласно замечанию Н.Г. Бережкова, «отсутствие соответствующего сообщения в летописях Лаврентьевской и сходных, так и приближительность датировки заставляют предполагать, что оно южнорусское по месту записи. Его следует отнести к тому же году, что и большую часть содержания статьи, к 6687 (1179/80) мартовскому году»². А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский в этой связи отмечают: «Празднование свв. Пелагей (Антиохийской, Палестинской и Тарсийской) приходится на 7 и 8 октября. Таким образом, если учитывать, что девочек могли называть, отсчитывая по месяцеслову не вперед, а назад, Сбыслава-Пелагея, скорее всего, появилась на свет между 8 и 26 октября (память Дмитрия Солунского)»³, что позволяет отнести рождение княжны к октябрю 1179 г. Сообщение это уникально не только в том, что содержит информацию о неизвестной по другим летописным сводам дочери великого князя Владимирского, но и тем, что вообще сообщает о факте и времени рождения одной из Всеволодовых дочерей. Отмеченная Н.Г. Бережковым вероятность прямой связи этого сообщения с южнорусским летописанием, наравне с его словами о «приблизительности датировки» – которая, видимо, может быть допущена поскольку, постольку никаких более известных о времени рождения княжны не сохранилось, – могут косвенно указывать, что Сбыслава, возможно, появилась на свет в Южной Руси до того времени, когда княгиня Всеволожая прибыла из Чернигова во Владимиро-Суздальскую землю, то есть до 1175 – 1176 гг.⁴ А упоминание, что восприемницей княжны была ее тетка Ольга, в 1173 – 1174 гг. бежавшая вместе с сыном Владимиром из Галича сначала в Луцк, затем в Торческ к брату Михалку Юрьевичу, а после по приглашению Святослава Всеволодовича оказавшаяся в Чернигове и только после этого, вероятно, отбывшая во Владимир на Клязьме⁵, позволяют считать местом рождения Сбыславы именно Чернигов, где пути княгинь Марии и Ольги вполне могли пересечься, и отнести это событие к 1173 – 1176 гг., корректируя указания летописца. В этом случае, вероятно, известия о рождении княжны Сбыславы могут восходить к черниговскому летописанию, откуда затем попадают в Ипатьевский свод. Вместе с тем, подобные реконструкции не исключают возможности рождения Сбыславы во Владимире Суздальском, тем более, что ее восприемница, княгиня Ольга Юрьевна, вероятно, с середины 1170-х гг. жила именно там; там же она и окончила свои дни в июле 1182 г.⁶ В этом случае остается только догадываться, как известие о рождении Сбыславы Всеволодовны отложилось среди известий южнорусского летописания. Равно как остается не до конца понятным указание летописца, что Сбыслава-Пелагея была четвертой дочерью князя Всеволода, при том, что сохранились сведения всего о четырех его дочерях: Елене, о которой известна лишь дата ее смерти – 30 декабря 1205 г.⁷; Всеславе, отданной летом 1186 г. в Чернигов за Ро-

¹ ПСРЛ. Т. II. Стб 613.

² Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 200.

³ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Указ. соч. С. 604.

⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб 602, датировка: Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 193 – 194.

⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб 571, где рассказано о бегстве в Луцк, а затем и в Торческ Владимира Ярославича с матерью, «а оттуда поваби и Святослав тесть его в Чернигов, хотя и пустити Суждалю, к Андрееви, и не пусти». Очевидно, не отпустил Святослав одного лишь Владимира, а княгиня Ольга уже в это время могла выехать в Северо-Восточную Русь. Датировку см.: Бережков Н.Г. Указ. соч., с. 190.

⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб 389, датировка: Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 82.

⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб 421, датировка: Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 87 – 88.

стислава Ярославича¹; Верхуславе, вышедшей в июле 1188 г. замуж за Ростислава Рюриковича² и собственно Сбыславе. Последняя явно была старше, чем Елена, скончавшаяся, вероятно, не достигнув брачного возраста, и чем Верхуслава, отданная замуж «млада сущи осми лет», что с учетом особенностей исчисления возраста в Древней Руси, когда промежуток с момента рождения до конца текущего года и с начала года, к которому относились описываемые события, до самого момента этих событий учитывались в качестве полных лет³, может означать, что на момент брака Верхуславе было полных семь лет, то есть родилась она в 1181 г. Вероятно, старше Сбыславы могла быть только Всеслава; при этом, вероятно, у княжеской четы Всеволода и Марии могли быть еще две старшие дочери, не оставившие по себе известий в источниках. Таким образом, получается, что к моменту замужества сестры «ясыни» (1181 – 1182 гг.), княгиня Мария по крайней мере два раза успела стать матерью. Если же, благодаря наблюдениям А.В. Назаренко, учесть, что «зафиксированный византийским каноническим правом минимальный брачный возраст – 15 лет для юношей и 12 лет для девушек..., который, насколько можно судить, соблюдался и на Руси»⁴ – ситуация с замужеством Верхуславы Всеволодовны только подтверждает такую точку зрения, ибо летописец особо оговаривает юный возраст невесты – разница между княгиней Марией и ее сестрой «ясыней» могла быть впечатляющей.

Косвенные доказательства гипотезы А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского можно получить, если попытаться разрешить проблему, связанную с именами «ясыни» и сестры княгини Марии, выданной замуж за князя Ярослава Владимировича. Летописи не сохранили их имен, но разыскания исследователей все-таки позволяют сделать некоторые предположения касательно этой проблемы.

Р.В. Зотов, опубликовавший и прокомментировавший в свое время текст Любечского синодика⁵, куда были внесены для церковного поминовения в основном имена князей черниговской ветви Рюриковичей, подготовил исследование, в котором попытался хотя бы на уровне гипотез разрешить вопрос о личностях князей и княгинь, имена которых включены в помянник. Согласно гипотезе Р.В. Зотова, поминание в синодике великого князя Пантелеимона Мстиславича Черниговского и княгини его Марфы относится ни к кому иному, как к князю Мстиславу Святославичу, который и был женат на «ясыне», «свести» князя Всеволода; «и здесь, в слове *Мстиславича*, в рукописном Синодике, – отмечает Р.В. Зотов, – следует допустить опisku или ошибку переписчика, так как мы не знаем и не встречаем в Синодике, ни раньше, ни позже этой статьи, никакого Мстислава, которого он мог бы быть сыном»⁶. Таким образом, появляется довод полагать, что «ясыню» звали Марфой.

¹ ПСРЛ. Т. I. Стб 405, датировка: Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 83.

² ПСРЛ. Т. I. Стб 407, датировка: Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 83 – 84.

³ Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX – XII вв. М., 2001. С. 526 – 527.

⁴ Там же. С. 575. Наблюдения А.В. Назаренко находят подтверждение в источнике, правда, более позднем, начала XV в., Послании митрополита Фотия новгородскому архиепископу Иоанну: «А еще бы есте не венчали девичок меньши двунадцати лет, но венчайте, как на третьеенатцатое лето поступит». См.: Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 2008. С. 511

⁵ Описание памятника см.: Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 107 – 109.

⁶ Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любечскому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время // Летопись занятий археографической комиссии. 1882 – 1884. Выпуск девятый. СПб., 1893. С. 69 – 70.

Другое дело, насколько реконструкция Р.В.Зотова является верной. Как отмечает сам исследователь, в синодик «были записаны великие черниговские князья из Рюриковичей, начиная с первого черниговского князя Мстислава Владимировича, до последнего черниговского князя Романа Михайловича младшего», при этом обращает внимание на отсутствие среди поминаемых «некоторых известных летописям князей, в разное время владевших Черниговом», которые-де «не имели права быть помещенными в черниговском синодике, как не происходившие от Святослава Ярославича Черниговского». С другой стороны, Р.В. Зотов обращает внимание, что далеко не все князья из Рюриковичей, чьи имена внесены в синодик, относились к потомству Святослава Ярославича и его сына Олега. Следует учесть также, что синодик «был написан... не в строго хронологическом порядке князей», хотя и «по их нисходящим степеням (коленам) от Рюрика»¹. Поэтому принципы, по которым имена тех или иных князей вносились для поминовения в Любечский синодик, остаются довольно туманными; к тому же не представляется возможным проследить историю создания текста источника, а все это, бесспорно, затрудняет сопоставление тех или иных внесенных в синодик княжеских имен с их возможными носителями, известными по летописям. Поэтому к гипотезе Р.В. Зотова следует относиться с известной осторожностью. Тем более, летописи не сохранили христианского имени Мстислава Святославича, а среди Рюриковичей был широко известен князь с христианским именем «Пантелеимон» и отчеством «Мстиславич». Имеем в виду волынского и киевского князя Изяслава Мстиславича, сына Мстислава Великого. Разумеется, он никогда не занимал черниговского стола, да и вообще враждовал с черниговскими Ольговичами, и на основании этого едва ли мог попасть в помянник черниговских князей. Однако, как отмечалось выше, основания включения княжеских имен в Любечский синодик остаются неясными. Поэтому нельзя исключить хотя бы минимальной возможности для Изяслава Мстиславича попасть в помянник в качестве великого князя Киевского, затем вследствие ошибки переписчика быть названным Черниговским, ведь, по наблюдениям Р.В.Зотова, в качестве киевского князя в помянник попадает Роман Ростиславич, сын Ростислава Мстиславича и племянник самого Изяслава Мстиславича². Мнение это находит поддержку у А.В. Назаренко, полагающего христианское имя «Пантелеимон» за «уникальное» и «редкое в княжеской среде»³. В том же ключе отзываются об имени «Пантелимон» и А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский, указывающие, что «для династии Рюриковичей оно является достаточно редким»⁴; вместе с тем, исследователи не ставят под сомнение возможность наречения именем «Пантелеимон» князя Мстислава Святославича Черниговского⁵. Поэтому нельзя полностью отказаться и от гипотезы Р.В. Зотова, отождествившего князя «Пантелеимона Мстиславича» и его супругу Марфу из Любечского синодика с князем Мстиславом Святославичем и его женой «ясыней». Применительно к нашей проблеме наречение сестер именами Марфы и Марии вполне естественно; однако не стоит забывать и о третьей сестре, жене новгородского князя Ярослава Всеволодовича.

О последнем в летописях не раз отзываются как о свояке великого князя Всеволода Юрьевича⁶, и может сложиться впечатление, что единственной заслугой князя Ярослава и было его свойство с владимирским князем, то есть был он фигурой несо-

¹ Там же. С. 30 – 31.

² Зотов Р.В. Указ. соч. С. 36.

³ Назаренко А.В. Указ. соч. С. 593 – 594.

⁴ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Указ. соч. С. 564.

⁵ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Указ. соч. С. 587 – 588.

⁶ ПСРЛ. Т. XXXVIII. С. 153, 156 – 157, 159; ПСРЛ. Т. I. Стб 402, 414; ПСРЛ. Т. III. С. 37.

стоятельной, креатурой своего могущественного родственника. Разумеется, такой подход к личности князя Ярослава весьма однокбок и подвергается критике¹.

О супруге же Ярослава Владимировича источники сохранили гораздо меньше сведений, не донеся до нас ни ее имени, ни времени заключения брака². Известно только, что в 1199 г. «постави церковь княгыни Ярославля на Михалицы монастырь святыя Богородицы Рожьство, игуменю поставиша Завижюю посадника»³, а в конце 1200 г., по сообщению Лаврентьевской летописи, княгиня скончалась: «Тоя же зимы явися знаменье в луне, месяца декабря в 24 день, на память святое мученици Евгеньи. Наутрия преставися княгыни Ярославля, свесть великого князя Всеволода и положена бысть в церкви святое Богородици в монастыре сестрине»⁴. Более поздний Тверской свод, сообщая о смерти княгини, присваивает ей гораздо более высокий статус: «Тоя же зимы преставися княгыни Ярославля Володимерича, дочи Шварнова, Ческого короля, свесть великого князя Всеволода; и положена бысть в Володимери у Пречистыа, в сестрине монастыри»⁵, – однако также имени ее не сообщает; очевидно, имя княгини было забыто весьма рано.

Впрочем, В.Н. Татищев, упоминая о ее кончине, пишет следующее: «...Преставися княгыня Елена Ярослава Владимировича, своячина великого князя Всеволода»⁶. «Татищевские известия» по поводу имени княгини с большой долей вероятности следует признать результатом измышлений самого автора, ибо никакой иной информации, которая бы отсутствовала в известных на сегодняшний день источниках, кроме имени, о супруге князя Ярослава В.Н. Татищев не приводит. Вероятно, следуя указаниям В.Н. Татищева, П. Бутков в своей статье о яских супругах русских князей пишет следующее: «Князь Ярополк Владимирович, сделав поход к Дону на Половцев 1116 года..., получил Ясыню Елену, девицу чрезвычайной красоты, и на ней в Киеве женился. Ее называли дочерью Яского или Степского князя Сварна; она умерла в глубокой старости 1201 года»⁷. Стремление во чтобы то ни стало обнаружить яские корни у жен русских князей и опора на сомнительные сообщения В.Н.Татищева сыграли с Бутковым злую шутку. Действительно, из летописей известно, что князь Ярополк, сын Владимира Мономаха и брат Мстислава Великого, в 1116 г. «жену себе полони Ясыню»⁸. Летописи еще раз упоминают о княгине этой уже после смерти ее супруга под 1145 г.: «Принесе благоверная княгыни Елена князя Ярополка из гробницы в церкви святого Аньдрея и положи и у Янky»⁹. Вместе с тем, умершая в декабре 1200 г. княгиня Ярославля, которую В.Н. Татищев называет Еленой, не имеет к супруге Ярополка Владимировича никакого отношения, во всяком случае, найти какие-либо связи между

¹ См., напр.: Гиппиус А.А. Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII в. // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси. М., 2005. С. 11 – 25.

² Следует отметить, что в своей статье М.В. Щепкина безосновательно утверждает, что «Ярослав Владимирович женится в 1180 году на свояченице Всеволода «ясыне» сестре Марии Шварновны», см.: Щепкина М.В. Указ. соч. С. 72. Данное утверждение суть недопустимая для исследователя путанница, ибо источники, во-первых, ни разу не упоминают о времени брака Ярослава и Всеволодовой свояченицы, а во-вторых, ни в одной летописи супруга Ярослава Владимировича не названа «ясыней».

³ ПСРЛ. Т. III. С. 44.

⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб 417. Датировку события см.: Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 86.

⁵ ПСРЛ. Т. XV. Стб 290.

⁶ Татищев В.Н. История Российская. Том III. М. – Л., 1964. С. 168.

⁷ Бутков П. Указ. соч. С. 328.

⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб 291. Ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб 248.

⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб 312. Ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб 319.

ними в источниках не представляется возможным. Будучи по указаниям летописей дочерью Шварна Чешского, а отнюдь не Сварна Степского, она являлась супругой внучатого племянника великого киевского князя Ярополка Владимировича новгородского князя Ярослава Владимировича. П. Бутков из-за невнимательности и небрежного отношения к источникам создает мифическую фигуру «княгини Елены Ясыни», которой никогда не существовало в действительности.

М.В. Щепкина же, на основе перечня житий святых, вошедших в Успенский сборник, заказчицей которого, напомним, исследовательница считает великую княгиню Марию, выдвигает догадку, что сестра последней могла носить имя Ирина¹. Едва ли это так; вообще способ, предложенный исследовательницей для идентификации родственников княгини Марии согласно именам святых, жития которых включены в Успенский сборник, требует весьма много допущений. Так, например, М.В. Щепкина выдвигает гипотезу, что княгиня Мария состояла в родстве с супругой Всеволодова брата князя Михалка, имя которой – Феврония – известно по летописям². Жития святых Марии и Февронии М.В. Щепкина обнаруживает и в Успенском сборнике и делает вывод, что родственники княгини Марии тезоимениты святым, чьи жития содержит сборник. «Имя Феодосии, – пишет далее исследовательница, – стоящее непосредственно за именем Февронии, но не в порядке месяца и чисел, это имя могло быть именем дочери Февронии и Михаила»³. Об этой княжне известно из летописей, что она была выдана в 1179 г. за Владимира Святославича, из черниговских князей, однако имя ее не указано⁴. Разыскания Р.В. Зотова позволяют предположить, что княжну звали не Феодосией, а Евдокией⁵. На таком фоне построения М.В. Щепкиной выглядят не слишком убедительно.

Тем не менее, стремясь поименно определить всех родственников великой княгини Марии исследовательница обратила внимание на композиции фресок храма Спаса на Нередице, построенного в 1198 г. и вскоре расписанного по заказу князя Ярослава Владимировича⁶. «Фрески Спаса Нередицы, – указывает М.В. Щепкина, – содержали законченный цикл церковных изображений. Но, кроме этого цикла, в росписях обычно давались также образы тех святых, чьи имена носили создатели храма и члены их семьи. Поэтому мы вправе ожидать, что фрески Нередицы содержали изображения святых – князя Ярослава и его жены (предположительно – Ирина); а также семьи сестры ее...»⁷ Несмотря на то, что взгляды Щепкиной на композиционный состав фресковой

¹ Щепкина М.В. Указ. соч. С. 73.

² Там же. С. 72. См. упоминание о княгине Февронии в летописях: ПСРЛ. Т. I. Стб 417; ПСРЛ. Т. XLI. С. 123.

³ Щепкина М.В. Указ. соч. С. 73.

⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб 612: «Того же лета призва Всеволод Гюргевичь Володимера Святославича к собе Володимерю и вда за нь свою братаньну Михалкову дочь». Отметим, что В.Н. Татищев называет княжну эту Пребраной (См.: Татищев В.Н. Указ. соч. Т. III. С. 121), однако подобного рода указание следует считать более чем сомнительным; вероятно, «Пребрану» появилась в результате неверного прочтения «братаньну».

⁵ Зотов Р.В. Указ. соч. С. 70 – 72.

⁶ «В то же лето заложи церковь камяну князь великий Ярослав, сын Володимерь, внук Мстиславль, во имя святого Спаса Преображения Новегороде на горе, а прозвище Нередице». См.: ПСРЛ. Т. III. С. 60.

⁷ Щепкина М.В. Указ. соч. С. 76.

росписи Спаса-Нередицы были подвергнуты критике¹, предложенная ей методика кажется заслуживающей внимания. Во всяком случае, некоторые из композиций росписи храма давно уже привлекали внимание исследователей, пытавшихся распознать патрональные изображения². К числу таких изображений был отнесен Деисус, помещенный в центральной апсиде храма. Необычным в композиции Деисуса было именно то, что восседающему в центре Христу-иерею³ справа и слева предстояли не традиционные Богоматерь и Иоанн Предтеча, а соответственно Иоанн Предтеча и святая Марфа; композиция, очевидно, носила характер ктиторской. Известно, что христианским именем князя Ярослава Владимировича было Иоанн⁴, вероятно, в качестве его небесного покровителя и представлен Иоанн Предтеча. В таком случае, святая Марфа, изображенная по левую руку от Христа-священника, являлась покровительницей супруги Ярослава-Иоанна, сестры великой княгини Марии⁵, а сама княгиня Ярославля должна была носить имя Марфы.

С учетом разысканий Р.В. Зотова получается, что «ясыня», отданная за князя Мстислава Святославича, и супруга Ярослава Владимировича, будучи обе сестрами великой княгини Марии, носили одно и то же имя – Марфа. Конечно, мы далеки от того, чтобы, во-первых, утверждение это выходило за рамки гипотезы, а во-вторых, уровень наших знаний о женском имянаречении в ту эпоху оставляет желать лучшего, и все же наречение двух сестер именем Марфы при наличии у них третьей сестры, носящей имя Марии, с которым Марфа образует явную пару, представляется сомнительным. В этом случае остается только вернуться к гипотезе А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского, утверждавших, что «ясыня» и княгиня Мария были сводными сестрами.

Все вышеизложенное, пусть на уровне гипотез, но позволяет несколько дистанцироваться от того, чтобы уверенно говорить о яском происхождении великой княгини Марии. Тем более, что единичному и неясному упоминанию сестры-«ясыни» противостоит целая летописная традиция, ведущая происхождение Марии «из чех».

Традиция эта, как уже отмечалось, нашла отражение в целом ряде летописей, правда, позднего происхождения. Озвучена она в одной из предваряющих Комиссионный список Новгородской первой летописи младшего извода статей, относящихся к первой четверти XV века, где о супруге Всеволода Большое Гнездо сказано следующее: «А княгини его Мариа Всеволожа Щварновна, дщи князя Чешьского, постави церковь Успение святыя Богородиця, новыи монастырь великымъ княгинямъ»⁶. В составленном в 1495 году в Смоленске летописном сборнике, названным по имени создателя «Лето-

¹ Пивоварова Н.В. К истокам идейного замысла росписи церкви Спаса на Нередице в Новгороде // Древнерусское искусство: Русь и страны византийского мира. XII век. СПб., 2002. С. 476. Прим. 47.

² См., например: Гиппиус А.А. К биографии Олисея Гречина // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. М., 2005. С. 106 – 110.

³ «Образ Спасителя... оказался образом Христа в совершенных уже годах, с бородою, но притом не византийского типа, вполне установившегося к XII столетию, а скорее западного и с редкой особенностью: пробритым гуменцем. Т. е. в виде священнослужителя», – так описывает изображение Спасителя из нередицкого Деисуса П.Л. Гусев. См.: Гусев П.Л. Загадочный деисис в новгородской Спаса-Нередицкой церкви // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. М., 2005. С. 243.

⁴ ПСРЛ. Т. X. С. 8.

⁵ См. подробнее: Лифшиц Л.И. Об одной ктиторской композиции Нередицы // Древний Новгород: История, искусство, археология: Новые исследования. М., 1983. С. 188 – 196.

⁶ ПСРЛ. Т. III. С. 468.

писью Авраамки»¹, в рассказе о князе Всеволоде читаем: «...А княгини его Мария Всеволожа Шварновна, дщи князя Чешьского, постави церковь Успение Святыя Богородицы новыи монастырь великим княгыням»². Однако куда более полные сведения о княгине Марии содержит Тверской летописный сборник, составленный в 1534 г. в Ростове и содержащий в себе тверскую летопись конца XV в., давшую название всему сборнику³: «В лето 6713 ...марта 2, на память святаго священномученика Феодота, пострижеся велика княгиня Всеволожа Мария, дщи Шварлова Ческаго, в черници и в скиму, в Володимере в манастыри святаыя Богородица, иже бе сама създала, и нарекоша имя ей Мария; в то же бе имя и крещена в Володимере, а приведена ис Чех не крещена».⁴

Первое, на что стоит обратить внимание – тот факт, что практически все источники, свидетельствующие в пользу чешского происхождения княгини, упоминают ее неизвестное по более ранним летописям отчество – «Шварновна», при этом подчеркивая княжеское положение ее отца. Отметим, правда – и это неоднократно подчеркивалось исследователями, – что в чешских источниках ни князя, ни кого бы то ни было еще с таким именем не встречается⁵. Единственным свидетельством в пользу чешского происхождения имени «Шварн» является то, что этимология имени восходит к чешскому – и вообще характерному для западнославянских языков – прилагательному «švarný» – «удалой, молодцеватый»⁶. Вероятность яского происхождения имени «Шварн» незначительна. «По мнению составителя осетинского словаря В.И. Абаева, – замечает по этому поводу Л.С. Кишкин, – само наличие такого имени у яса очень маловероятно, даже имея его переогласовку в русском языковом обиходе»⁷.

М.В. Щепкина выдвигает собственную гипотезу происхождения имени «Шварн»; по ее мнению, «имя Шварн – Шварно – это галицко-волыньское произношение латинского имени Северин»⁸. Однако гипотеза М.В. Щепкиной последовательно отводится А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенским, которые указывают на отсутствие оснований полагать, что христианское имя *Северин* вообще каким-либо образом фигурировало в Юго-Западной Руси, а тем более произносилось как *Шварн* (что предполагает достаточно высокую степень адаптации) в XII – XIII вв.»⁹

Можно предположить, что «Шварн», так или иначе являясь производным от соответствующего чешского «švarný», оформилось в качестве собственно имени в восточнославянской языковой среде. Возможно, обладатель его изначально в среде своих соотечественников имел прозвище «švarný», которое затем на Руси превратилось в имя собственное.

В этом случае встает вопрос: кто мог быть тот самый Шварн и как появился он в русских землях?

¹ Лурье Я.С. Авраамка // СККДР. Вып.2. Ч. 1. Л., 1988. С. 5 – 6.

² ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 311.

³ Лурье Я.С. Летопись Тверская // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 61 – 63.

⁴ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 301.

⁵ См.: Флоровский А.В. Указ. соч. С.89; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Указ. соч. С. 374 – 375.

⁶ Machek V. Etimologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957. S. 519. Вместе с тем А.В. Флоровский указывает вероятность того, что имя «Шварн» могло иметь литовское либо скандинавское происхождение, хотя и подробно не останавливается на рассмотрении такой возможности. См.: Флоровский А.В. Указ. соч. С. 90. Прим. **).

⁷ Кишкин Л.С. Указ. соч. С. 261 – 262.

⁸ Щепкина М.В. Указ. соч. С. 70.

⁹ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Указ. соч. С. 380. Прим. 38.

В качестве киевского воеводы Шварн дважды упоминается в Лаврентьевской летописи под 1146 и 1151 гг.¹ Четыре упоминания о Шварне содержит Ипатьевская летопись под 1146, 1151, 1162 и 1167 гг.²

Таким образом, никаких сомнений в реальном существовании в Киеве военачальника Шварна, который, если судить по хронологическим рамкам упоминаний о нем, вполне мог бы быть отцом великой княгини Марии, не остается. Впрочем, кроме как в Тверском летописном сборнике, где под 1167 г. сказано: «В то же лето половци побиша Шварна, Чьского князя, и яша его, и много окупа взяша на нем»³, ни в одной летописи не содержится никаких намеков на происхождение самого Шварна; но из указаний летописцев становится ясно, что Шварн служил киевскому князю Изяславу Мстиславичу⁴.

В летописях достаточно полно освещена деятельность сына Мстислава Великого Изяслава, в 1146 г. сумевшего занять киевский стол; в борьбе Изяслава за Киев участвовал уже, вероятно, и Шварн⁵. В богатой событиями биографии Изяслава есть и прямые свидетельства о его контактах с Чехией. Так, под 1149 г. Ипатьевская летопись сообщает о неудачной попытке Изяслава Мстиславича утвердиться в Киеве, после которой князь отправился во Владимир-Волынский, «поча ся слати в Угры, к зятю своему королеве, и в Ляхы, к свату своему, Болеславу и Межце и Индрихове, и к Ческому князю, свату своему Володиславу, прося у них помочи»⁶.

В этой связи следует обратить внимание, что и Шварн появляется на страницах летописей в 1146 г., а за два года до этого Изяслав возвращается из Новгорода, где, по словам летописца, «быв у братье свое»⁷. Очевидно, под «братией» следует понимать брата Изяслава, князя Святополка Мстиславича, поставленного на княжение в Новгород в 1142 г.⁸ Концом декабря 1143 – началом января 1144 г. новгородский летописец датирует весьма интересную новость о Святополке: «В то же лето оженися Святопѣлк Новегороде, приведе жену из Моравы межи Рожеством и Крещением»⁹. «В поисках имени моравской княжны, жены князя Святополка, – пишет по этому поводу А.В.Флоровский, – исследователи останавливаются обычно на княжне Евфимии, дочери оломоуцкого князя Оты II, о коей, однако, известно только то, что она родилась в 1115 году... Названная Евфимия была сестрой того оломоуцкого князя Оты III – Детлеба, который в 1126 году – после смерти отца своего Оты II, павшего в бою против князя Собеслава Чешского, спасся бегством на Русь, где пребывал... до 1141 года»¹⁰. Сложно с уверенностью отождествлять княжну Евфимию с моравской супругой Святополка Мстиславича – возраст ее на момент замужества свидетельствует, скорее, не в пользу такого отождествления, хотя нельзя исключить, что этот брак был не первым и для Ев-

¹ ПСРЛ. Т. I. Стб 314, 331.

² ПСРЛ. Т. II. Стб 335, 425, 518, 527.

³ ПСРЛ. Т. XV. Стб 237.

⁴ ПСРЛ. Т. XXXVIII, с 113: «...и посла по нем Изяслав Шварна»; ПСРЛ. Т. II. Стб 425: «...приехаша к Зарубескому броду, на сеи же стороне бяшетъ Шварно с сторожи... И тако видивше половци сторожи Изяславли, оже мало их есть»; ПСРЛ. Т. I. Стб 314: «... и посла по нем Изяслав Шварна».

⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб 319 – 337.

⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб 384.

⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб 311.

⁸ ПСРЛ. Т. III. С. 26.

⁹ Там же. С. 27.

¹⁰ Флоровский А.В. Указ. соч. С. 63.

фимии, и для Святополка – но вполне возможно, именно благодаря этому браку летописец называет чешского князя сватом Изяслава¹.

Появляется и повод предположить, что моравская княжна пришла на Русь в сопровождении свиты, в которой был и Шварн. Отметим, кстати, что и Изяслав, и Святополк занимали каждый в свое время владими́ро-во́лыньский стол² и были связаны с Во́лыньским княжеством; вероятно, из Во́лыни также могли тянуться контакты Мстиславичей с моравскими князьями, во всяком случае, именно эта версия была развита, в частности, М.В.Щепкиной³.

Так или иначе, вероятно, именно благодаря Изяславу Мстиславичу Шварн появляется в Киеве в 1146 г., когда князь Изяслав в первый раз занимает киевский стол⁴. Дальнейшие упоминания о Шварне позволяют сделать вывод, что судьба его была связана с князем Изяславом – Шварн упоминается под 1151 г., когда Изяслав готовится к очередному захвату Киева⁵. Великий князь Изяслав Мстиславич умирает в ночь на 14 ноября 1154 г.⁶, а меж тем его протеже фигурирует в Ипатьевской летописи дважды после этой даты.

Упоминание о Шварне относится к марту 1161 г., когда захвативший 12 февраля Киев черниговский князь Изяслав Давыдович осаждал Белгород, в котором укрывался изгнанный им из Киева князь Ростислав Мстиславич⁷. Кампания была неудачной для Изяслава; согласно летописи, подоспевшие на помощь Ростиславу княжеские дружины и отряды торков разгромили войско Изяслава Давыдовича: «Торци же постигоша возы их на Желани. Полкы же их постигоша от Булич. И ту начаша сечи я, а инех руками имати. Яша же тогда и Шварана, и Милятича уба»⁸. Вероятно, Шварн после смерти Изяслава Мстиславича участвовал в княжеских усобицах на стороне Изяслава Давыдовича, который был давним союзником Изяслава Мстиславича⁹.

Последнее летописное упоминание о Шварне относится к 1166 г.: «Том же леша половци Шварна за Переяславлем, а дружину его избиша и взяша по нем искупа множество»¹⁰. Очевидно, что в этот период Шварн служил уже переяславскому князю, который и заплатил за него выкуп половцам. Переяславским же князем на тот момент был Глеб Юрьевич, сын Юрия Долгорукого. После того как последний в 1155 г. утвердился в Киеве, добровольно оставленном Изяславом Давыдовичем, Глеб получил переяславский стол; вскоре Глеб Юрьевич женился на дочери Изяслава¹¹. Поэтому нет ничего удивительного, что после поражения и гибели Изяслава Давыдовича Шварн оказался у его зятя в Переяславле.

¹ М.Б. Свердлов замечает, что «женитьба новгородского князя Святополка Мстиславича на Евфимии, дочери оломоуцкого князя Оттона II, сейчас подвергается сомнению». См.: Свердлов М.Б. Послесловие // Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 718.

² Изяслав княжил во Владимире-Во́лыньском в 1135 – 1142 гг. (ПСРЛ. Т. II. Стб 297, 312 – 313) и в 1149 – 1152 гг. (ПСРЛ. Т. II. Стб 383, 447), Святополк же в 1152 – 1154 гг. (ПСРЛ. Т. II. Стб 447, 468).

³ Щепкина М.В. Указ. соч. С. 69 – 71.

⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб 335, 327.

⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб 425.

⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб 469; датировка: Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 156.

⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб 515 – 517; датировка: Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 173.

⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб 518.

⁹ Князья вместе воевали против Юрия Долгорукого в 1151 г.: ПСРЛ. Т. II. Стб 424 – 438.

¹⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб 527.

¹¹ ПСРЛ. Т. XXXVIII. С. 127 – 128; ПСРЛ. Т. II. Стб 477 – 482.

Весьма интересные сведения о Шварне в рамках статьи под тем же 1166 г. сообщает Никоновская летопись: «Того же лета половци воеваша Русь и убиша двух богатырей, Андрея Жирославича и брата его Шварня, за Переславлем, сестричичя же их, такоже Шварня нарицаемаго, плениша...»¹ В свое время Н.М. Карамзин поставил под сомнение достоверность этих сведений², однако А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский предложили весьма оригинальную трактовку сообщений Никоновской летописи. Считая сообщения летописи XVI в. в основном заслуживающими доверия, исследователи тем не менее отмечают, что, вероятно, вопреки указаниям летописца, в 1166 г. от половцев погиб не воевода Шварн, упоминавшийся в летописях с 1146 г., а Шварн-«сестричич», который и был отцом будущей княгини Марии и двух ее сестер. А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский полагают, что старший Шварн «едва ли был чехом» и, вероятней, происходил из новгородского боярства, а вот «его племянник, который, будучи сыном его сестры, по отцу мог бы принадлежать к знатному чешскому роду»³. Очевидно, таковая гипотеза требует изрядно допущений в отношении скудных известий источников, да и основывается она на довольно-таки невнятном сообщении Никоновской летописи; даже сами авторы гипотезы высказывают мнение, что летописец в рамках приводимой им информации «пытался разрешить какое-то не вполне очевидное нам противоречие в истории жизни реального Шварна»⁴, то есть, в конечном счете запутался в сведениях, которыми располагал.

Поэтому не будет натяжкой считать, что отцом Марии Шварновны и ее сестер был именно старший Шварн, который вполне мог прибыть вместе с моравской княжной в Новгород зимой 1143 – 1144 гг. Нельзя исключить, что Шварн являлся ее родственником, и тем обеспечил себе столь высокое положение среди русских князей, «принадлежал к тому слою людей, где князьям нередко приходилось выбирать себе жён»⁵. Очевидно также, что деятельность Шварна была связана исключительно с южнорусскими землями, с Киевским княжением в частности.

И неудивительно, что принимавший участие в организованном Андреем Боголюбским походе на Киев зимой 1169 г. молодой князь Всеволод Юрьевич именно там и мог встретить свою будущую супругу, хотя и стоит признать, что сведения о раннем периоде жизни князя Всеволода весьма фрагментарны. Первое же упоминание о супруге князя Всеволода относится к 1175 – 1176 г. К этому времени Всеволод и его старший брат Михалко окончательно утвердились во Владимиро-Суздальской земле после гибели Андрея Боголюбского; и тогда же к ним в Северо-Восточную Русь из Чернигова приехали их жены: «И потом посла Святослав жены их Михалковую и Всеволожую приставя к ним сына свое Олга проводити е до Москве. Олег же проводив и взратися в свою волость»⁶.

К сожалению, более никаких известий о Шварне, Марии и женитьбе Всеволода Юрьевича до нас не дошло, хотя, очевидно, таковые имели место быть и отложились в летописных памятниках более поздней эпохи.

¹ ПСРЛ. Т. IX. С. 233. Обстоятельный комментарий этого сообщения содержится в: Литвина А.Ф. и Успенский Ф.Б. Указ. соч. С. 376 – 377.

² Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 346 - 347. Прим. 410.

³ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Указ. соч. С. 376 – 379.

⁴ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Указ. соч. С. 376. Прим. 28.

⁵ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Указ. соч. С. 376.

⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб 602; датировка: Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 193 – 194.

Недостаток сведений заставляет идти путем гипотез. Весьма вероятно, что появившийся в 1169 г. в Южной Руси Всеволод, молодой княжич 14 или 15 лет¹, вращавшийся в кругу, к которому, как удалось установить, был близок и Шварн, мог жениться на дочери последнего; весьма велика также вероятность того, что этой дочерью была та самая Мария, «дщи Шварлова Ческаго». Возможно, свадьба младшего Юрьевича состоялась в Переяславле, где потомки Юрия Долгорукого утвердились столь прочно при жизни последнего, что и после смерти Юрия продолжали удерживать переяславский стол за собой; хотя есть вероятность того, что венчание Всеволода и Марии прошло в Киеве, где с марта 1169 по январь 1171 гг. княжил Всеволодов брат Глеб Юрьевич². Да и сама Мария, быть может, была связана с Киевом, во всяком случае, можно делать такие предположения, основываясь на летописных свидетельствах о Шварне. Вероятно, с Киевом же была связана и младшая сестра княгини Марии «ясыня», о свойстве которой с великим князем Всеволодом столь хорошо были осведомлены южнорусские летописцы, единственно сохранившие о ней хоть какие-то сведения.

Если же признать Шварна отцом Марии, сам собой напрашивается вывод о появлении Марии Шварновны на свет на Руси. Исходя из имеющихся у нас данных, такой вывод будет вполне уместен. Поэтому стоит критично отнестись к свидетельствам Тверского сборника, что-де Мария была «крещена в Володимере, а приведена ис Чех не крещена»; этому противоречит более раннее указание, что Мария была воспитана «изъдетска в страе Божьем»³. Скорее всего, здесь нашли свое отражение домыслы летописца, впрочем, достаточно уместные для времени создания Тверского свода. Вероятно также, что сведения о месте и времени рождения Марии Шварновны были утрачены к XV в.

Конечно, все рассуждения о чешском происхождении Марии Шварновны довольно гипотетичны из-за скудных сведений источников, а фрагментарность материала так или иначе приходится восполнять чисто логически. Но гипотетичность высказанных версий несколько не противоречит тем отрывочным сведениям, которые указывают на интенсивные русско-чешские связи XII в. Так, продолжатель хроники Козьмы Пражского под 1132 г. помещает известие о женитьбе князя Вратислава Брненского на русской княжне, которая, по замечанию хрониста, отличалась необыкновенной красотой⁴. Н.А.Баумгартен буквально истолковывает свидетельство летописи, назвавшей Изяслава Мстиславича сватом Владислава II, и предполагает, что Ярослав Изяславич был женат на дочери чешского князя⁵. И хотя предположение маститого генеалога остается по существу догадкой, тем не менее, известно, что в 1148 г. Владислав II возвращался на родину из второго крестового похода через Русь⁶.

К тому же А.В. Флоровский обращает внимание на упоминание в одном из латиноязычных источников под 1165 г. некоего русского князя – «quidam de regulis Ruthenorum», – находившегося при чешском князе Владиславе II и отданном последним в Вене под покровительство императора Фридриха Барбароссы. Кем был этот русский князь – неизвестно, однако исследователь обратился к рассказу Ипатьевской летописи под 1190 – 1191 гг. о побеге князя Владимира Ярославича, «сестричича» Всеволо-

¹ Всеволод, согласно Никоновской летописи, родился в 1154 г. См.: ПСРЛ. Т. IX. С. 198.

² ПСРЛ. Т. II. Стб. 545, 563; датировки: Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 181, 187 - 188.

³ ПСРЛ. Т. I. Стб 424.

⁴ Флоровский А.В. Указ. соч. С. 60.

⁵ Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siècle // *Orientalia Christiana*. Roma, 1927. Т. 35. P. 23.

⁶ Флоровский А.В. Указ. соч. С. 83 – 84; Назаренко А.В. Указ. соч. С. 632. Прим. 3.

да Юрьевича, сына княгини Ольги Юрьевны, «из Угор, из вежи каменное, ту бо держашеть и король» «ко цареви Немецкому». «Царь же уведав, оже сестричичь великому князю Всеволоду Суждальскому, и прия его с любовью и великою честью»¹. «Иначе говоря, – пишет в этой связи А.В. Флоровский, – покровительство кн. Владимиру было оказано... по связи с суздальским князем Всеволодом Юрьевичем». Исследователь высказывает интересную догадку, что такого рода отношение к племяннику было вызвано личным знакомством императора Фридриха с его дядей, великим князем Всеволодом Юрьевичем. «Последний, – пишет далее А.В. Флоровский, – в 1165 г. был в Византии и не невозможно, что при возвращении на Русь он побывал в центре политической мощи – при дворе императора в Вене»². Весьма уместным дополнением к этой гипотезе становится свидетельство Никоновской летописи: рассказывая об организованном в 1170 г. Андреем Боголюбским походе на Киев, к котором участвовал и молодой князь Всеволод, летописец упоминает «множество князей, и половецкие князи с половцы, и угры, и чяхи, и ляхи, и литва, и многое множество воинства»³. И если даже перечисление позднейшим летописцем иноземных отрядов-участников похода считать чисто риторическим оборотом с целью показать могущество двигавшейся к Киеву рати, есть смысл полагать, что некие основания для этого все же имеются. Ведь как показал А.В. Флоровский, чешские отряды на Руси были в XII в. вполне привычным явлением⁴.

Всем этим пусть и косвенным свидетельствам о русско-чешских династических и политических связях XII в. можно противопоставить единственный факт, касающийся женитьбы князя Ярополка Владимировича на осетинской княжне, о котором упоминалось выше. Правда, В.Н. Татищев приписывает яское происхождение второй жене Андрея Боголюбского⁵, однако в данном случае «татищевские известия» противоречат сохранившемуся летописному свидетельству Тверского сборника, в котором княгиня названа «болгаркой»⁶. Это позволяет отнести указания В.Н. Татищева на счет издержек методов историографа. Поэтому и говорить о сколько-нибудь регулярных русско-яских связях той поры на основании имеющихся источников не представляется возможным.

Вместе с тем П. Бутков, не упомянувший о возможных чешских корнях княгини Марии, приводит в своем сочинении весьма интересный топоним, который, вероятно, используется с целью сгладить противоречия в показаниях источников о происхождении княгини. П. Бутков упоминает некую «Кубанскую Чехию»⁷. Возможно, что сведения о «Кубанской Чехии», так же как и версию об осетинском происхождении княгини Марии П. Бутков черпает из «Записок касательно российской истории» Екатерины II, на что указывал Л.С. Кишкин. «Источник этих сведений не назван», – замечает он далее⁸. Впрочем, А.В. Флоровский упоминает «слух об отыскании на Тереке в 1709 г. трех больших общин потомков чехов-братьев»⁹. Вероятно, бытование слуха о потомках гуситов на Северном Кавказе есть смысл связать с появлением топонима «Кубанская

¹ ПСРЛ. Т. II. Стб 666.

² Флоровский А.В. Указ. соч. С. 88 – 89.

³ ПСРЛ. Т. IX. С. 337.

⁴ Флоровский А.В. Указ. соч. С. 73 – 79; там же приводится критика сведений о чешских отрядах Никоновской летописи.

⁵ Татищев В.Н. Указ. соч. Т. IV. С. 105, 250. На «татищевские известия» об Андереевой княгине ссылается и П. Бутков. См.: Бутков П. Указ. соч. С. 327; прим. 20. С. 332.

⁶ ПСРЛ. Т. XV. Стб 250 – 251.

⁷ Бутков П. Указ. соч. С. 329.

⁸ Кишкин Л.С. Указ. соч. С. 268.

⁹ Флоровский А.В. Указ. соч. С. 375. Прим. *).

Чехия»; но при этом очевидно, что данный топоним не мог появиться ранее 1709 г., когда якобы были обнаружены эти самые потомки.

Таким образом, показания источников, относящих происхождение княгини Марии «из чех», вполне согласуются со свидетельствами о регулярности русско-чешских отношений той поры, что, бесспорно, служит лишним доказательством в пользу мнения о чешских корнях княгини. Конечно, мы далеки от того, чтобы поддержать версию М.В. Щепкиной о рождении Марии Шварновны непосредственно в чешских или моравских землях, – для этого мы имеем незначительные основания. Связь же Марии Шварновны с киевским воеводой Шварном, которую нельзя исключить, может говорить о моравских корнях княгини, и делает вероятным ее появление на свет непосредственно в Южной Руси. Достаточно высокий статус Шварна, который, по мнению А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского, был «включен... в самый тесный круг княжеских приближенных и почти неотделим от самих Рюриковичей»¹, вполне мог стать причиной заключения браков между дочерьми воеводы с русскими князьями.

Список литературы:

- Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
- Бутков П. О браках Князей Русских с Грузинками и Ясынями, в XII веке // Северный архив. 1825. № IV.
- Гиппиус А.А. К биографии Олисея Гречина // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. М., 2005.
- Гиппиус А.А. Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII в. // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси. М., 2005.
- Гусев П.Л. Загадочный деисис в новгородской Спасо-Нередицкой церкви // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. М., 2005.
- Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время // Летопись занятий археологической комиссии. 1882 – 1884. Выпуск девятый. СПб., 1893
- Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. II – III. М., 1991.
- Кишкин Л.С. Мария Всеволожая – ясыня или чехиня? // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха Средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X – XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
- Лифшиц Л.И. Об одной ктиторской композиции Нередицы // Древний Новгород: История, искусство, археология: Новые исследования. М., 1983.
- Лурье Я.С. Авраамка // Словарь книжников и книжности Древней Руси (СККДР). Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988.
- Лурье Я.С. Летопись Тверская // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989.
- Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX – XII вв. М., 2001.
- Пивоварова Н.В. К истокам идейного замысла росписи церкви Спаса на Нередице в Новгороде // Древнерусское искусство: Русь и страны византийского мира. XII век. СПб., 2002.
- Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись М., 1997.
- ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.
- ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М., 2000.

¹ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Указ. соч. С. 375.

- ПСРЛ. Т. IX. Никоновская летопись. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. X. Никоновская летопись. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. XV. Рогожская летопись. Тверской сборник. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. XVI. Летопись Авраамки. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. XXXVIII. Радзивиловская летопись. Л., 1989.
- ПСРЛ. Т. XLI. Летописец Переяслава Суздальского. М., 1995.
- Приселков М.Д. История русского летописания XI – XV вв. СПб., 1996.
- Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 2008.
- Татищев В.Н. История Российская. Том III. М. – Л., 1964.
- Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X – XVIII вв.) Том первый. Praha, 1935.
- Щепкина М.В. О происхождении Успенского сборника // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 60 – 80.
- Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siècle // *Orientalia Christiana*. Roma, 1927. T. 35.
- Machek V. Etimologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НОВГОРОДСКИХ СЛОВЕН

Откуда появилось это славянское племя в районе озера Ильмень не сообщает даже Повесть Временных лет. Вот уже почти 300 лет ломают головы историки об их происхождении. Долгое время считалось, что ильменьские славяне пришли сюда с юга, из Причерноморья¹, по Днепровскому пути. Однако результаты работы археологов, лингвистов и антропологов нескольких последних десятилетий практически исключают такую возможность. Да и мотива для столь длинного путешествия у них быть не могло. Ведь на севере не было и нет привычных славянам среднего Поднепровья повышенно плодородных земель. Те таёжные просторы² на протяжении многих веков являлись удобным местом обитания лишь для финских охотников и рыбаков³. Оно и понятно, климат там слишком суров для производящих типов хозяйства на ранних стадиях их развития⁴.

Итак, юг исключён, восток и север – тоже. Остаётся запад. Именно там, на южном берегу Балтийского моря, в эпоху раннего средневековья (с конца VI века) располагалось значительное славянское население⁵. Но каким образом славяне могли добраться оттуда в Поволховье и Поильменье, ведь на пути находились земли целого ряда достаточно многочисленных балтских племён? Наиболее реальный вариант – водный маршрут. Тот, что позднее получил название «Из варяг в Греки», точнее часть этого пути – через Балтийское море, Финский залив, Неву и Ладожское озеро к устью Волхо-

¹ Верхнее Поднепровье было занято тогда племенами балтов

² Южные и западные границы расселения ильменских словен в VIII веке практически совпадают с соответствующими границами тайги

³ Предки финно-угров, появившиеся в Приладожье и Приильменье ещё в эпоху бронзового века (культура сетчатой керамики), могли быть знакомы с азами мотыжного земледелия (о чём говорит найденная в болотах Финляндии и Карельского перешейка пыльца культурных растений), однако прямых археологических свидетельств этого пока нет (Юшкова М.А. Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России. Автореферат диссертации. СПб.: Институт материальной культуры РАН, 2011. С. 11; Косменко М.Г. Проблемы изучения этнической истории бронзового века – раннего средневековья в Карелии. // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – средние века). Сб. ст. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2006. С. 202). В то же время, наличие у них скотоводства сомнений не вызывает, хотя и оно играло в хозяйстве протофиннов вспомогательную роль. То же касается в этих местах и структуры хозяйства собственно финских племён железного века (однако у финнов, живших тогда южнее, западнее и юго-восточнее данного региона, то есть за границей тайги, производящие формы хозяйства играли значительно большую роль). Относительно многочисленные находки необходимых при подсеке рабочих топоров обнаружены пока на некоторых финских поселениях таёжной зоны только в курганах X – XI веков (Седов В.В. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 63).

⁴ Минимальная годовая температура в Новгороде (- 27⁰) на 10 градусов ниже, чем в Стокгольме и на 3 ниже, чем в Киеве.

⁵ Сегодня западнославянское происхождение новгородских словен можно считать уже вполне доказанным фактом. Оно признаётся большинством российских историков и археологов

ва¹. Практически это было вполне осуществимо. Мореходство на Балтике известно как минимум с начала нашей эры. Остаётся вопрос: зачем славянам нужно было плыть так далеко на северо-восток, в земли климатически значительно более суровые и несравнимо менее плодородные чем те, на которых они уже жили тогда?

Для ответа на этот вопрос важно точно определить время появления словен на северо-западе будущей России. Характерным их признаком считаются курганы особой формы и строения - так называемые «новгородские сопки». Согласно последним данным археологии, эти курганы появились на указанной территории в VIII веке нашей эры² (по мнению одного из современных исследователей данной проблемы А.А. Молчановой - даже во второй его половине³). Сами же словене заселили эту землю несколько раньше. С лёгкой руки В.В. Седова считается, что это случилось в VII веке⁴. Сам Седов, правда, в последние годы жизни отказался от такой датировки в пользу более ранней версии – середина 1-го тысячелетия н. э., мотивируя это тем, что пока не удалось выявить бесспорных археологических свидетельств какого либо передвижения сюда славян в VII веке из центральной Европы через земли балтов⁵. Твёрдо доказать эту новую дату (из-за явного недостатка фактического материала) ему, однако, так и не удалось, поэтому в последней крупной работе на эту тему доктора исторических наук С.В. Алексеева по прежнему используется старая⁶. Именно её на сегодняшний день можно признать наиболее аргументированной⁷.

Седьмой век был переломным в судьбах народов всей северной Европы. К началу этого столетия здесь в основном прекратились передвижения крупных племён и утвердились границы между ними, что способствовало относительной стабилизации международной обстановки и восстановлению существовавших ещё в римское время торговых путей. Один из таких путей шёл из Средиземноморья по рекам Рона и Рейн, а затем вдоль Северного и Балтийского морей в места богатые пушниной, моду на которую принесли в южную Европу варварские племена севера, а точнее их знать, в руках которой оказались сосредоточены огромные ценности, добытые путём грабежа населения Римской империи в течение двух веков переселений и войн. Уже в VI веке готский историк Иордан упоминал о ценных чёрных мехах, поступающих в Италию от свеев⁸ (с

¹ Из современных историков той же точки зрения придерживается к.и.н. А.А. Молчанова, сделавшая такой вывод из самого характера расселения ильменьских словен по водным артериям, связанным с Балтийским морем (Балтийские славяне и Северо-западная Русь в раннем средневековье. Автореферат диссертации. М., 2008. С. 5, 6).

² Седов В.В. Древнерусская народность. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 160

³ Молчанова А.А. Балтийские славяне и Северо-западная Русь в раннем средневековье. Автореферат диссертации. М., 2008. С. 6

⁴ Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982. С. 66

⁵ Седов В.В. Древнерусская народность. С. 161

⁶ С.В. Алексеев считает, что западные славяне появились в Поволховье в последние десятилетия VII века (Славянская Европа V–VIII вв. М.: Вече, 2009. С. 414, 429).

⁷ А.А. Молчанова относит начало заселения балтийскими славянами южного Приладожья и Поильменья к рубежу VII и VIII веков (Молчанова А.А. Балтийские славяне и Северозападная Русь в раннем средневековье. С. 5, 8, 12).

⁸ В русском переводе готской истории Иордана значится название «суэханс» ([//krotov.info/acts/06/iordan04.html](http://krotov.info/acts/06/iordan04.html)) - буквальный перевод латинского написания «suehans» ([//krotov.info/acts/06/iordan05.html](http://krotov.info/acts/06/iordan05.html)). Однако в латинском языке «su» может читаться как «sv», а одинокое «h» в германских названиях часто вообще не произносится. Получается «свеанс», то есть множественное число от «свеан», что созвучно одному из

территории нынешней Швеции) через посредство многих племён¹. Именно с этого времени ценные меха стали для северных народов, а затем и для Руси-России основным платёжным средством в торговле с экономически более развитым и богатым западом и югом Европы.

Главным выгодополучателем этой международной пушной торговли первоначально были купцы Фризии (в основном её ведущего торгово-ремесленного центра – Дорестада), страны на низменном морском побережье между Рейном и Эльбой, преимущественно населённой тогда независимыми племенами фризов. Именно они организовали транзит через свою территорию северных мехов, приобретая их в обмен на большей частью собственную продукцию (домашнее деревенское сукно и изделия быстро растущего городского ремесла)², а затем сбывая их перекупщикам из франкских земель.

Первоначально фризы осваивали, видимо, только ближайшие районы добычи пушного зверя, располагавшиеся тогда на севере Скандинавии, поэтому основным поставщиком этого товара стали для них воинственные предки нынешних норвежцев и шведов, обложившие меховой данью живших к северу от них оленеводов и охотников саамов. Однако быстро растущие аппетиты средиземноморского рынка и неизбежное в условиях интенсивной добычи сокращение пушных богатств Скандинавии заставили фризских купцов ближе к концу VII века обратить своё внимание и на восточные берега Балтики. Это значительно увеличивало длину морского пути. К тому же, посредники скандинавы (норманны) были совершенно не заинтересованы пропускать торговые караваны фризов через датские проливы к чужим берегам. Нужно было искать какой-нибудь обходной путь.

И такой путь (значительно более короткий) скоро нашёлся. Он протянулся поперёк занятой полабскими славянами относительно неширокой полоски земли между нижним течением Эльбы и берегом Балтийского моря, выходя к прибрежным племенным центрам вагров и ободритов Старгарду и Велиграду (Рарог), а также через пограничную область между данами и славянами в узкой части Ютландского полуострова к месту, известному с тех пор в раннем средневековье под датским названием Хайтабу (швед. Хедебю). Во всех этих пунктах были созданы фактории фризских купцов³. Отсюда флотилии построенных здесь же плоскодонных судов отправлялись вдоль занятого славянами южного берега Балтийского моря к тогда ещё богатому пушным зверем (а также не менее ценным янтарём) юго-восточному побережью⁴.

Торговые караваны фризов несомненно увлекали с собой и местных славян (в качестве компаньонов, матросов, гребцов, охраны) способствуя появлению среди них слоя собственных купцов, а чуть позже и первых торгово-ремесленных городов. Этот путь был в то время относительно безопасен от нападений норманнов, поскольку в

средневековых обозначений племени свеев – «свеоны». Из контекста сообщения Иордана тоже ясно, что речь здесь может идти только о них.

¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. GETICA. Изд-во Алтейя, 2001. 512 с. (www.krotov.info/acts/06/iordan04.html); Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. М.: «Русская панорама»; СПб.: РБИЦ «Блиц», 2013. С. 128

² Лебедев Г.С. Эпоха викингов в северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. С. 222

³ Г.С. Лебедев считал, что первой была образована в начале VIII или в конце VII века фризская фактория в Хайтабу (Эпоха викингов в северной Европе и на Руси. С. 234)

⁴ Впрочем, из тех же пунктов фризы проложили свои торговые пути и в скандинавские порты Балтики, где тоже имели свои фактории

конце VII века те только начинали осваивать парус и не рисковали слишком часто пускаться в плавание на вёслах через открытое море.

Продвигаясь вдоль берега дальше на северо-восток, фризы неизбежно должны были достигнуть Финского залива и по реке Неве, которая была тогда намного шире, чем сейчас, проникнуть в Ладожское озеро, откуда открывались выходы в самые глубины богатой ценнейшей пушниной северной тайги. Акватория Финского залива к тому времени ещё не находилась под полным контролем скандинавских мореходов. К концу VII века свеи только заканчивали заселение нынешней средней Швеции и Аландских островов и начинали осваивать восточное побережье Ботнического залива. Прибрежные же финны сами были заинтересованы в торговле по южно-балтийскому пути.

Таким образом и этот отрезок пути в то время был ещё относительно безопасен для мореплавания. Правда, везти свои товары так далеко фризским купцам поначалу не требовалось. Необходимый объём пушнины (дополненный янтарём) они могли получить на более близких берегах Балтики, у прусов, куршей, ливов и эстов. Фризы лишь проложили морской путь к Ладоге. Воспользоваться же этим путём для её колонизации было суждено славянам. Толчком к началу колонизационного движения полабских славян с южных берегов Балтики на восток послужили события, произошедшие несколькими годами ранее к западу от их границ.

Франкские короли, давно с завистью приглядывавшиеся к оборотам фризской торговли, не раз пытались наложить на неё свою могучую лапу. Первым из них на это решился король Дагоберт, ещё во втором или третьем десятилетии VII века захвативший в ходе войны с фризами город Вильтенбург (или Вильтабург) в окрестностях современного Утрехта. В то время это был племенной центр славян вильцев (велетов), далеко оторвавшихся в ходе переселений V-VI веков от основной территории проживания славянских племён (другая часть этого племени, известная также под именем «лютичи», с начала VII века обосновалась на южном берегу Балтийского моря между устьем Одры и землёй ободритов)¹. Впрочем, торжество франков было недолгим. Вскоре фризы вернули себе потерянные территории. Надо полагать, велеты оставались жить там, поскольку являлись союзниками фризов и саксов, а разрушенный Дагобертом Вильтенбург считался их общей столицей. Это был, видимо, не единственный велетский город в земле фризов. Согласно одной из местных средневековых хроник, располагавшийся неподалёку от Утрехта город Флердинген до франкского завоевания назывался Славенбургом².

¹ Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. С. 116. Здесь А.Ф. Гильфердинг опирается на сообщения так называемого «анонимного утрехтского летописца», то есть создателя одной из средневековых хроник г. Утрехта.

² Там же. С. 117. Сведения о раннесредневековых славянах, живших в глубине территорий, занятых племенами и народами германского происхождения, А.Ф. Гильфердинг обнаружил, работая со средневековыми документами в архивах Европы. О велетах Фрисландии, в частности, он узнал из Тилских анналов и Утрехтской хроники. Современный перевод Тилских анналов на русский язык не содержит упоминаний о велетах, однако нужно учитывать, что Гильфердинг в середине XIX века имел возможность работать с более подробным вариантом этих анналов. Современная историческая наука имеет дело с документом, впервые напечатанным издателями серии Monumenta Germaniae Historica в 1879 году. В нём соединены два варианта Тилских анналов: 1) выписанный из Гамбургского кодекса XV века лейпцигским профессором Арндтом и 2) более подробный экземпляр, написанный на основе ранних рукописей после середины XV века и изданный в Утрехте в 1789 году (www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Tielenses/

Натиск франков на фризский племенной союз возобновился в последнем десятилетии VII века. Мажордом франкских королей Пипин Геристальский вторгся со своей армией во Фрисландию и в 693 году (по другим данным в 689 году¹) разбил её войска в битве под Дорестадам², после чего захватил весь запад страны (низовья Рейна), овладев, таким образом, началом морского торгового пути на восток. Сразу вслед за этим началась христианизация завоёванной территории. Язычники вильцы должны были или отказаться от своих племенных богов, или навсегда покинуть страну. Вряд ли можно сомневаться, что многие из них (в том числе и часть представителей торгового слоя) выбрали второй вариант. Самым надёжным путём отступления для них было переселение в земли балтийских славян. Не случайно именно в это время там появляются первые торговые фактории фризов купцов.

Именно славянским выходцам из Фрисландии, давно связанным с дальней торговлей мехами, на заре возрождения южного морского пути Балтики могла прийти в голову мысль основать чисто славянскую факторию у самого края известного тогдашней Европе мира, в «пушном раю» Ладogi, замыкая, таким образом, с востока балтийский маршрут и обеспечивая себе этим монополию дальнейшей торговой экспансии на восток. Как раз в последние десятилетия VII века фризами купцам, а значит и торговцам-велетам, стало известно о всё более частом появлении на восточных берегах Балтики ценных изделий ремесла явно незападного происхождения (поступавшие из Приуралья наборные пояса, пастовые, стеклянные и сердоликовые бусы³). У самых предприимчивых из них не могла не возникнуть мысль о возможности организации через Приладожье сверхприбыльной торговли с Востоком.

Сегодня вполне доказано, что первым славянским укрепленным поселением⁴ на реке Волхов стало так называемое Любшанское городище (настоящее его название не известно), дату возникновения которого археологи определяют концом VII – началом VIII века нашей эры. Основано оно было недалеко от места впадения Волхова в Ладogu и имело небольшую гавань в устье речки Любша. В то время уровень озёр Ладожского и Ильмень, и, соответственно, соединяющего их Волхова, а также реки Невы, был значительно выше, чем сейчас. Волховские пороги были глубоко под водой и тогдашние морские суда могли свободно доходить из Балтики до самого Ильмень-озера. Береговая черта проходила в непосредственной близости от Любшанского городища, ставшего

[frametext.htm](#)). При соединении обоих вариантов, несовпадающие детали могли быть опущены редактором. Мог быть и третий вариант, утраченный в огне двух мировых войн. Кроме того, сам проект MGH создавался в период бурного роста германского национализма и являлся одним из инструментов его распространения, особенно с 1875 года, когда был взят под опеку властями империи. В те годы в Германии целенаправленно проводилась политика ассимиляции оставшегося славянского населения и, следовательно, нельзя исключать, возможности сознательного удаления из печатаемых источников фактического материала, подтверждающего древность их самостоятельного существования на германской территории.

¹ Книга истории франков. Комментарии (http://www.vostlit.info/Texts/rus/Gesta_Fr/primtext.phtml#156)

² Тилские анналы (www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Tielenses/frametext.htm); Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. С. 117

³ Алексеев С.В. Славянская Европа V – VIII вв. С. 422; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в северной Европе и на Руси. С. 462 – 463, 315

⁴ О западнославянском происхождении этого укрепления свидетельствует особая деревянно-каменная конструкция основания его вала (Лебедев Г.С. Эпоха викингов в северной Европе и на Руси. С. 257)

морским и речным портом¹, соединяющим с Балтийским морем водные пути всего северо-западного региона будущей России. Несколькими десятилетиями позже эта роль торгового центра перешла к расположенной чуть выше по течению Ладоге.

Хорошо понимая трудность удержания такой отдалённой фактории в относительной близости от воинственных скандинавских конкурентов, её создатели позаботились переселить туда как можно больше своих соплеменников с южного побережья Балтики². О том, что некоторые места в долинах впадающих в Ладожское озеро с юга рек пригодны для пашенного земледелия, они уже знали. Недавними археологическими раскопками самого раннего поселения на территории г. Ладоги был обнаружен подстилающий его пахотный слой, датируемый приблизительно 500-700 годами нашей эры³. Не исключено, что, какая-то очень небольшая часть живших здесь финнов (или, что более вероятно, ассимилированных ими представителей других племён, возможно ранних переселенцев с берегов Балтийского моря) уже давно владела навыками пашенного земледелия.

Новые балтийско-славянские поселенцы доставлялись сюда, видимо, торговыми караванами в течение ряда лет⁴. При небольшой вместимости кораблей общая численность переселенцев в первые годы существования колонии была относительно невелика. Причём преобладал мужской элемент. Женщин многим колонистам приходилось искать среди коренных жителей. Отсюда так много отмеченных археологами финских черт в материальной культуре ильменских словен. Особенно это отразилось на керамике. Ведь изготовление догончарных (лепных) видов её было тогда делом почти исключительно женских рук⁵.

Однако существенное превосходство земледельческой культуры балтийских славян над формами хозяйствования новых родственников обеспечивали со временем довольно быструю славянизацию большей части местного, тоже относительно немногочисленного населения⁶. Но и растворившиеся в славянской культурной среде финны-

¹ О том, что это с самого начала было торгово-ремесленное поселение свидетельствуют находки там археологами средств труда литейщиков и других следов работы по металлу, кузнечного дела (Лебедев Г.С. Эпоха викингов в северной Европе и на Руси. С. 462, 515)

² По-видимому, это были ещё не велеты-лютичи, так как археологическими раскопками в Поволховье характерные для них «большие дома» выявлены лишь в слоях второй половины VIII века. (Молчанова А.А. Балтийские славяне и Северо-западная Русь в раннем средневековье. С. 8). В то же время преобладание в раннем археологическом материале словен фрезендорфской (руяне) и Менкельдорфской (ободриты) керамики, а также местных подражаний ей (Там же. С. 9, 10) может косвенно свидетельствовать в пользу участия представителей именно этих племён в первой волне балтийско-славянской колонизации данного региона.

³ Александровский А.Л., Арсланов Х.А., Давыдова Н.Н., Делуханов П.М., Зайцева Г.И.. Новые данные относительно трансгрессии Ладожского озера и р. Невы и земледельческого освоения северо-запада России. // Доклады РАН. 2009. Т. 424, № 5. С. 682 - 686

⁴ Первая волна переселения продолжалась, очевидно, относительно короткий отрезок времени, после чего волховская колония венедов оказалась надолго отрезанной от своей метрополии. Только этим можно объяснить знакомство ильменских словен с гончарным кругом лишь в 20-е годы X века, в то время как ободриты освоили его ещё в VIII веке (Алексеев С.В. Славянская Европа V – VIII вв. С. 374)

⁵ Алексеев С.В. Славянская Европа V – VIII вв. С. 422

⁶ Преимущественно присваивающий тип хозяйства обуславливает более низкую плотность населения.

аборигены передали сформировавшемуся в бассейне озера Ильмень новому этническому образованию целый ряд собственных ярких черт¹. Эти черты станут впоследствии одними из основных отличительных особенностей собственно русской (великорусской) народности среди всех восточных славян.

Западнославянское (а более узко – балтийско-славянское) происхождение новгородских (ильменских) словен давно доказано многими российскими историками, филологами-славистами и археологами. Этот факт, в частности, подтверждается и переложно-пашенным типом их земледелия (в отличие от подсечного земледелия ближайших славянских соседей - кривичей²), что было ранее хорошо обосновано в трудах В.В. Седова и других археологов.

Хлебопашество на наиболее пригодных для этого землях (особенно дерново-карбонатных, самых плодородных здесь и, в то же время, исключаяющих подсеку) является отличительным признаком словен с момента их появления здесь³. При этом они, по-видимому, с самого начала использовали более совершенные орудия пахоты с железными сошниками, неизвестные жившим здесь ранее финским и славянским (кривичи) племенам⁴. Этот факт уже сам по себе свидетельствует о более передовой сельскохозяйственной культуре, чем та, которую имели на тот момент местные жители. Культура эта не могла возникнуть в таёжных северных лесах и болотах Приладожья и Приильменья. Наиболее прочные аналогии она имеет среди западных славян южного берега Балтийского моря.

Итак, подведём итог. Славянская племенная группа, известная из первых русских летописей как Новгородские словене, образовалась путём переселения морским путём части балтийских славян и последующего смешения их с жившими здесь кривичами и относительно немногочисленным коренным финским населением, которое со временем было почти полностью ими ассимилировано. Словенская колонизация Поильменья проходила не с юга, юго-запада или юго-востока, как до последнего времени предполагало подавляющее большинство историков и археологов, а первоначально с севера на юг - от устья Волхова к его истокам⁵, к Ильмень-озеру, в поисках более пригодных для пашенного земледелия мест. Оттуда расселение уже сложившихся словенских родовых групп продолжалось потом в разных направлениях, по долинам впадающих в это озеро рек и ручьёв.

Список литературы:

Алексеев С.В. Славянская Европа V – VIII вв. М.: Вече, 2009. 538 с.

Александровский А.Л., Арсланов Х.А., Давыдова Н.Н., Делуханов П.М., Зайцева Г.И.. Новые данные относительно трансгрессии Ладожского озера и р. Невы и земледельческого освоения северо-запада России. // Доклады РАН. 2009. Т. 424, № 5. С. 682 - 687

¹ Кроме финнов присутствовал и небольшой процент представителей балтских племён, видимо захваченных колонизационным потоком славян, проходившим вдоль их берегов.

² Седов В.В. Древнерусская народность. С. 124, 165

³ Седов В.В. Древнерусская народность. С.163 - 164

⁴ Первые из найденных в Поволховье железных сошников археологи относят к началу VIII века.

⁵ Этой же точки зрения придерживается и д. и. н. С.В. Алексеев. (Славянская Европа V – VIII вв. С. 415), приводя в подтверждение своей версии свидетельство Воскресенской летописи (ПСРЛ, Т. 7. С. 262). Правда, он считает, что словене пришли на берег Ладоги по суше, через Мазурское Поозёрье и Прибалтику, что с учётом последней позиции В.В.Седова вызывает определённое сомнение.

- Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. М.: «Русская панорама»; СПб.: РБИЦ «Блиц», 2013. 707 с.
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов. GETICA. Изд-во Алтейя, 2001. 512 с.
- Книга истории франков. Комментарии // www.vostlit.info/Texts/rus/Gesta_Fr/primtext.phtml#156
- Косменко М.Г. Проблемы изучения этнической истории бронзового века – раннего средневековья в Карелии. // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – средние века). Сб. ст. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2006. С. 158 - 229
- Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
- Молчанова А.А. Балтийские славяне и Северо-западная Русь в раннем средневековье. Автореферат диссертации. М., 2008. 17 с.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982. 327 с.
- Седов В.В. Древнерусская народность. М.: Языки русской культуры, 1999. 312 с.
- Седов В.В. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. 510 с.
- Тилские анналы // www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Tielenses/frametext.htm
- Юшкова М.А. Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России. Автореферат диссертации. СПб.: Институт материальной культуры РАН, 2011. 23 с.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПАТРИОТИЗМ XXI ВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА

(доклад на круглом столе «Влияние исторических фальсификаций и мифов на сознание и социальное поведение современной российской молодежи»¹)

Настоящая публикация посвящается памяти нашего коллеги, члена Редакционного совета «Исторического обозрения», директора Центра исторических исследований Московского гуманитарного университета, доктора исторических наук, профессора Бориса Александровича Ручкина (9.01.1936-2.06.2015). Доклад на круглом столе 13 мая 2015 года стал его последним публичным выступлением. Текст доклада и ответов на вопросы участников круглого стола приводится по стенограмме заседания.

Ручкин Б.А.: У меня особенность выступления следующая. Я назвал его так: «Российское общество: патриотизм XXI в.», но «в зеркале экспертного опроса». Но так как тут человек восемь сидят из числа экспертов, то я цитировать их не буду, а просто перейду к выводам, которые получились из их опроса. Но несколько слов скажу о патриотизме как идее, как общенациональной идее.

Более 20 лет, прошедших с момента распада Советского Союза, идет этот спор, – дискуссия о национальной идее. Трудно она идет, настолько трудно, что «на самом верху» в лице Президента, тогда Медведева, сказано следующее: «Я не считаю продуктивной дискуссии о национальной идее. Она отвлекает. Это достаточно схоластическая штука, хотя у нас любителей поговорить на эту тему много. Это свойство нашего национального характера». Но он сказал, а проблема не исчезла. Стабильность общества у нас в 2000-х годах как бы определилась, но стабильность имеет все-таки двоякое направление. Она может улучшаться, но состояние может и ухудшаться. Так вот – она ухудшается. Ухудшилось настолько, что не в этой аудитории мне говорить. Но на этом фоне утверждение национальной идеи в России становится важным ресурсом консолидации общества на пути создания сильной России. Наш общий дорогой товарищ, мыслитель нашего времени Зиновьев заметил, что «идеология может быть не только партийной или классово-идеология должна быть отечественной. Она должна выражать интересы различных социальных классов, групп, обществ, в которых осознается отношение людей друг к другу и обществу». Именно такая идеология, идеология патриотизма, была сформулирована Путиным на совещании представителей власти и общественности по вопросам нравственного и патриотического воспитания молодежи в Краснодаре 12 сентября 2012 года. Он тогда говорил: «Мы должны строить свое будущее на прочном фундаменте, и такой фундамент – это патриотизм. Как бы долго ни об-

¹ Круглый стол «Влияние исторических фальсификаций и мифов на сознание и социальное поведение современной российской молодежи», прошедший 13 мая 2015 года в Московском гуманитарном университете, проведен в рамках реализации проекта одноименного исследования. При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 № 11-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ. Проект реализуется АНО ВПО «Московский гуманитарный университет». В рамках исследования проведены опрос экспертов и опрос студенческой молодежи города Москвы.

суждали, что может быть фундаментом, прочным моральным основанием для нашей страны, ничего другого все равно не придумать. Это движение к своей истории, к традициям, к духовным ценностям наших народов, нашей тысячелетней культуре». И далее: «Именно в гражданской ответственности, в патриотизме вижу консолидирующую базу нашей политики». Итак, идея патриотизма приобретает как бы новое идеологическое звучание и призвана стать приоритетным направлением государственной политики.

Возникает вопрос: а что нового? Путин сказал, и это хорошо. А что нового? К патриотизму обращались всегда, и в царской России, и в Советской России, особенно в критические моменты нашей истории. Верно. В военное время патриотизм осязаем, понятен каждому: встать на защиту Родины. А вот что такое патриотизм в мирное время? И что самое главное – его, патриотизма, должно быть больше, чем в военное? Да еще в кризисное для России время? Тут требуется «перераспределение» самого понятия «патриотизм». Я не буду этого пересказывать, но именно это Путин и сделал в своих выступлениях – прежде всего, конечно, в Посланиях 2012 и 2014 года, где развил именно эту тему, и наполнил ее смыслом. Обращался к различным аспектам, но особое значение, как мне кажется, в том, что я только на одном примере покажу. Особо значимо в современных условиях, на что, собственно, и обратил внимание Путин, – «сделать патриотизм основой для деятельности всех политических сил независимо от того, к какому идеологическому направлению они могут быть отнесены». И сформулировал общий подход: «Безусловное признание суверенитета и территориальной целостности России, признание ее федеративного характера, равноправия и ценности каждого из живущих в нашей стране этносов. Действовать всем политическим силам в рамках закона». Это не значит, что нельзя ни с чем спорить, – но в рамках закона. Вот такие совершенно конкретные послы он сделал по разным поводам – и креативному классу, и бизнес-классу, и т.д. Не буду пересказывать, потому что это много займет времени. Важно другое – взял он на себя функцию этого «перераспределения», сформулировал и наполнил содержанием. Это дает возможность, на наш взгляд, нам развивать и понимать значение понятия патриотизма в новых смыслах. Но, естественно, возникает вопрос – а может ли патриотическая идея обеспечить быстрое экономическое развитие страны, преодолеть кризисные явления в обществе, привести к созданию сильной России? Что сказать? – может, но если идея овладеет массами. Ибо, как учил нас классик, политика только тогда называется политикой, если ее разделяют миллионы. Естественно, если идея будет подкреплена достаточно сильным механизмом, то есть организацией ее жизнедеятельности. Ведь, конечно, сама идея не может себя реализовать.

Итак, это как бы понимание того, что необходимо нам делать. А теперь к теме – что думают наши эксперты? Еще раз хочу сказать – если бы их не было, я бы их процитировал. Но в данном случае, я думаю, надо просто перейти к выводам и тем самым сократить по возможности выступление. Вообще, я должен сделать еще одну оговорку, – конкретно эту тему в рамках проекта я завершив, я одновременно увлекся другим. Есть миф: «Победа вопреки Сталину». Но я не сам тему развиваю, домысливаю, а через мемуары полководцев. Полководцев много, я взял 14 – Маршалов Победы и тех, кто вообще получил Маршала во время войны. И я думал – как мне поставить точку? И вот задумался. Кто победил – народ? Так ведь, наверное, и рождаются мифы, причем в массовом масштабе! Когда говорим о победе народа, – всегда ли он побеждает, и почему? Но не об этом речь. Затронул это, потому что, на мой взгляд, имеет некоторое отношение к нашему вопросу. Но вернусь к основной теме доклада.

Общее мнение исследователей, если суммировать: наметилась тенденция роста уровня патриотического сознания граждан, подрастающего поколения. Один пример. Так как мы исследования по этому поводу проводим с незапамятных времен, мне пред-

ставилась возможность сравнить 1991 год и 2014-й. Задан вопрос: «Есть ли что-то такое, чем они, как граждане России, могли бы гордиться?» Это в 1991 году. Ответили «да» 27% 25 ответили «нет»; 48 – «я хотел бы родиться где угодно, но только не в России». А вот 2014 год. Вы видели результаты опроса студентов. А если в целом брать, и по стране, то цифры все равно будут колебаться от 61,5 до 75 на вопрос «Считаете ли вы себя патриотом?» Даже эти цифры, как бы к ним не относиться, все-таки показывают ту тенденцию, которую и выделили наши эксперты. Что же, собственно говоря, по их мнению, содействовало росту патриотических настроений? Многие факторы. Прежде всего, – укрепление государственности. Общество, развиваясь и усложняясь, дало молодежи более многообразные возможности для самореализации, воспитания тех качеств, которые способствовали выживанию в нынешней ситуации и тем самым помогли им идентифицировать себя с Россией. Олимпиада, Крым, национальный лидер возродили у российского народа чувство собственного достоинства, ощущение себя частью большой, независимой и справедливой силы. В целом, как свидетельствует опрос экспертов, проявления патриотизма стало существенно заметнее по сравнению с показателями эпохи социальной неопределенности. Пик подъема патриотизма падает пока, – так наше исследование показывает, – на 2014 год. Вместе с тем исследователи (политологи, социологи) в большинстве своем сходятся на том, что патриотическая консолидация 2014 года не носит долговременный характер. Обостряют проблемы патриотического воспитания кризисные явления в экономике, санкции, война без войны и многое другое, что создает качественно иной фон общественной жизни. Главная, повторимся, фундаментальная слабость одержанных успехов, – зыбкость их экономического фундамента. И еще есть такое примечательное замечание – коррупция есть механизм препятствия национальной консолидации, катализатор протестных настроений в обществе. Власть адекватно оценивает существенные риски и принимает конкретные антикризисные меры. Об этом тоже наши эксперты делали свои замечания – и по поводу Программ патриотического воспитания, иных документов. Об этом я говорить не буду.

Вот Вы, Ольга Анатольевна, кого в конце выступления приводили в пример?

Плотникова О.А.: Чехова.

Ручкин Б.А.: А я приведу Герцена. Он много разного говорил, но, в частности, сказал следующее: «Мы как-то очень заботимся о выравнивании, об оправдании, об украшивании прошлого, и никак не заботимся о настоящем». Мы много, в том числе на самом высоком уровне, говорим об истории, и это хорошо, действительно прекрасно. Но, мне кажется, что самый важный вопрос: какую страну мы строим? В каких границах, с каким социально-экономическим и политическим устройством? С какой идеологией? Кто при этом может стать нашим союзником, а кто врагом? И вот когда мы все это узнаем, то сможем вновь вернуться к исследованию и вновь подумать – растет патриотизм или не растет. Как наш эксперт и товарищ Луков сказал: «Это грань очень тонкая, она противоречива, как и сама действительность». Спасибо за внимание! (*Анлодисменты*).

Луков В.А.: Спасибо.

Алексеев С.В.: Борис Александрович, спасибо, к Вам есть вопросы.

Ручкин Б.А.: С удовольствием отвечу. Но Вы понимаете, я могу задержать.

Алексеев С.В.: Не страшно. Юрий Альбертович, пожалуйста.

Васильев Ю.А.: Два вопроса возникло. Надо ли добиваться поправки в Конституцию по поводу идеологии?

Ручкин Б.А.: А это не получится. Добиваться можно, но не получится. Понимаете, идея-то противоречивая. Идеология должна быть отечественная. А какая отечественная? Патриотизм, о котором говорит Владимир Владимирович, как будто подходит. Но он все-таки идеологией быть не может – идеей может.

Васильев Ю.А.: И второй вопрос. Вы могли бы пофамильно назвать экспертов?

Ручкин Б.А.: С удовольствием!

Васильев Ю.А.: Эксперты экспертами, но мы же должны лица представлять.

Ручкин Б.А.: Да, да, да! Знаете, список у меня здесь, вот он, и я хотел это сделать. Потом увидел лица – подумал, что они сами о себе скажут. Я все-таки кое-кого назову, хорошо? Они разбиты у нас на три группы.

Алексеев С.В.: Оговоримся, что условно.

Ручкин Б.А.: Первая: специалисты по проблемам молодежи. Зубок Юлия Альбертовна, знакомая Вам доктор социологических наук. Мацуев Алексей Никитович, – он здесь присутствует. Меркулов Павел Александрович, защитивший докторскую по историческим наукам. Селиверстова Нина Анатольевна, Яковлев Игорь Геннадьевич, главный редактор «Управления мегаполисом», – он тоже здесь. Ярская Валентина Николаевна из Саратова. Вторая: специалисты, работающие с молодежью. Алешкин Петр Федорович, главный редактор «Нашей молодежи». Бабаян Инна Вячеславовна, тоже из Саратова, руководитель Социологического центра университета, сотрудники которого помогли нам и дополнительно по ряду вопросов. Бородай Александр Дмитриевич, тоже присутствующий здесь. Захаров Владимир Николаевич, крупнейший филолог и организатор образования, из Петрозаводска. Куприянова Галина Валентиновна, Плаксий Сергей Иванович, Плотников Александр Дмитриевич, Филонов Владимир Иванович, секретарь Орловского отделения РСМ. Шатилов Александр Борисович, декан факультета социологии Финуниверситета. Макаров Владимир Сергеевич – прекрасные дал ответы. Третья группа, историки-преподаватели и молодые историки. Бодрова Елена Владимировна, доктор исторических наук, профессор. Борщевский Георгий Александрович, тут тоже присутствующий, – кстати, он ужасно много пишет, и так хорошо, но он сам себя представит. Володихин Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, тоже присутствующий здесь – вот он поднял руку, и скоро будет выступать. Елисеев Глеб Анатольевич, кандидат исторических наук. Надточий Юрий Иванович, Панков Никита Петрович, тоже присутствует, как и Пеньковский Дмитрий Дмитриевич. Плотникова Татьяна Сергеевна, Шилов Андрей Иванович. Жукова Ольга Германовна, конечно, – она тоже здесь, будет выступать. По вопросам о патриотизме дополнительно опросили еще нескольких специалистов – в частности, Хутина Анатолия Федоровича, Ливцова Виктора Анатольевича. В общей сложности до 40 человек.

Плотникова О.А.: Можно вопрос?

Алексеев С.В.: Пожалуйста, Ольга Анатольевна.

Плотникова О.А.: Все-таки, Борис Александрович, хотелось бы услышать Ваше мнение вот о чем – единый учебник истории нужен?

Ручкин Б.А.: Я семь раз об этом деле писал, а теперь взвесил то, что они отвечали на этот вопрос, наши 30 основных экспертов.

Плотникова О.А.: Нам интересно Ваше мнение.

Ручкин Б.А.: Мнение такое: единый нужен, но не единственный. Их и сейчас-то уже пять штук сделали, да? А вообще их не пять, значительно больше. Мне думается, что никогда он не будет единым, если туда не добавить специальный раздел «Трудные вопросы истории». Если «Трудные вопросы истории» потом отдельной брошюрой каким-то образом дать – не кому-нибудь, а прежде всего преподавателям, тогда, возможно, мы в итоге к чему-то такому придем. Потому что политкорректность нас иначе замучает. Можно сказать, еще раз повторюсь, что народ победил. А можно, – что Верховный главнокомандующий, командующие фронтами, и далее, и далее – знаете, сколько у нас было генералов, нет? Более 5000 сражалось! Они все командовали начиная от полков и т.д. Ну вот как это можно обойти? Народ победил, и только?

Плотникова О.А.: Зачем же? Не надо ничего обходить. Надо говорить и объяснять.

Ручкин Б.А.: Так вот эти трудные вопросы, их и надо вынести и говорить об этом – насколько все это тонко, и т.д.

Плотникова О.А.: Вы же учились по единому учебнику?

Ручкин Б.А.: Я – действительно, учился. И более того, знал один учебник. Ну, может, два.

Плотникова О.А.: И до каких высот, Борис Александрович? Какой вывод можно сделать?

Ручкин Б.А.: И какой вывод?

Плотникова О.А.: Вывод такой, что надо учить нашу молодежь по единому учебнику, который будет патриотичным.

Ручкин Б.А.: Нет, я думаю так. Концепция, должна быть, безусловно, единой. Единый учебник – никогда вы его не добьетесь, единого. Их будет много, учебников. Вот пока пять, а потом, может, и больше. Не будет единого учебника. Это, кстати, и эксперты тоже отмечают, а не только я.

Сведения об авторах и аннотации статей

Володихин Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, член Союза писателей России. E-mail: volodih@mail.ru.

Взгляды Н.И. Костомарова на роль патриарха Гермогена в формировании земского освободительного движения

Рассматриваются видоизменения воззрений известного историка XIX в. Н.И. Костомарова на роль патриарха Гермогена в исторических событиях времен Смуты начала XVII в. Анализируются причины эволюции взглядов историка.

Ключевые слова: Н.И. Костомаров, патриарх Гермоген, историография, Смута, земское освободительное движение.

Казаков Александр Александрович – ведущий специалист Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: pryapick_777@mail.ru.

К вопросу о происхождении Марии Шварновны, супруги великого князя Всеволода Большое Гнездо

Статья посвящена одному из спорных вопросов древнерусской генеалогии – о происхождении владими́ро-суздальской княгини Марии Шварновны, супруги Всеволода Большое Гнездо. Рассмотрев свидетельства в пользу чешского и «ясского» (аланского) происхождения Марии, автор приходит к выводу об основательности первого варианта.

Ключевые слова: Древняя Русь, Владимиро-Суздальское княжество, Всеволод Большое Гнездо, генеалогия.

Тарасов Юрий Анатольевич – соискатель степени кандидата исторических наук при Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: yuriy.tarasov.63@mail.ru

Происхождение новгородских словен

Анализ историографических теорий и сведений источников о происхождении восточнославянского племенного союза новгородских словен.

Ключевые слова: древние славяне, восточнославянские племенные союзы, словене.

Ручкин Борис Александрович – доктор исторических наук, профессор, директор Центра исторических исследований Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета

Российское общество: патриотизм XXI века в зеркале экспертного опроса

Доклад на круглом столе «Влияние исторических фальсификаций и мифов на сознание и социальное поведение современной российской молодежи».

Ключевые слова: идеология, патриотизм, исторические фальсификации, историческая мифология, молодежь.

Volodikhin Dmitry Mikhailovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of Source Department of History Faculty of Lomonosov Moscow State University, a member of the Writers' Union of Russia. E-mail: volodih@mail.ru.

The views of N.I. Kostomarov for the role of Patriarch Hermogenes in the formation of zemsky liberation movement.

It is considering of modifying of the views of famous historian of the XIX century, N.I. Kostomarov, for the role of Patriarch Hermogenes in the historical events of the Troubles in beginning of the XVII century. In article is analyzed the reasons of the evolution of the views of the historian.

Keywords: N.I. Kostomarov, Patriarch Hermogenes, historiography, Troubles, zemsky liberation movement..

Kazakov Alexander Alexandrovich, the leading expert of the Scientific Library of Lomonosov Moscow State University. E-mail: pryanick_777@mail.ru.

On the origin of Maria Shvarnovna, wife of Grand Prince Vsevolod the Big Nest

The article is devoted to one of the controversial issues of Old Russian genealogy – a origin of Vladimir-Suzdal Princess Maria Shvarnovna, the wife of Vsevolod the Big Nest. Having considered the evidence in favor of the Czech and "Jassy" (Alan) the origin of Maria, the author comes to a conclusion about the solidity of the first variant.

Keywords: Ancient Russia, Vladimir-Suzdal, Vsevolod the Big Nest, genealogy.

Tarasov Yuriy Anatolyevich, competitor of degree of Candidate of Historical Sciences at the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok. E-mail: yuriy.tarasov.63@mail.ru

The origin of the Novgorod Slovenes

Analysis of historiographical theories and sources' information about the origin of the East Slavic tribal union – the Novgorod Slovenes.

Keywords: ancient Slavs, the East Slavic tribal unions, Slovenes.

Ruchkin Boris Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Center of Historical Research of the Institute of Fundamental and Applied Studies of Moscow University for the Humanities.

Russian society: patriotism of the XXI century in the mirror of the expert survey

Report on the round table "Impact of historical falsifications and myths on consciousness and social behavior of modern Russian youth".

Keywords: ideology, patriotism, historical falsifications, historical mythology, the youth.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

Требования к предоставляемым материалам.

Материалы, предлагаемые для публикации в альманахе «Историческое обозрение», просьба присылать в редакцию с использованием электронной почты (сохранение в форматах DOC, DOCX, RTF). Объем статьи не должен превышать 40000 знаков. Просьба придерживаться при наборе следующих параметров: поля по 2,5 см, шрифт 14, Times New Roman, междустрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине (заголовки по центру), абзац с отступом 1,25 см, автоматический перенос слов, контроль висячей строки. Нумерацию страниц при наборе просьба не проставлять. Сноски даются постранично, нумерация сносок сквозная. В конце материала (за исключением эссе и рецензий) должен прилагаться пристатейный список литературы, оформленный согласно ГОСТ. При публикации материалов научных конференций допускаются варианты оформления научного аппарата, предусмотренные ГОСТ. Просьба полностью указывать фамилию, имя, отчество, место работы или обучения, должность (должности), ученую степень и звание.

Порядок публикации

Не позже чем через месяц после представления материала автор будет уведомлен о решении редколлегии альманаха по вопросу публикации. В случае отказа в публикации редколлегия направляет автору мотивированный отказ. Все рукописи рецензируются. Редколлегия в обязательном порядке предоставляет рецензии по запросам авторов рукописей. Соблюдение авторских прав гарантируется. Редакция оставляет за собой право публиковать альманах в сети Интернет по прошествии года с момента его печатной публикации, а также предоставлять тексты статей в системы научного цитирования. Публикация бесплатная. Материалы, принятые к публикации в альманахе, не могут быть представлены в другие издания; в противном случае решение о публикации пересматривается. Автору каждой статьи предлагается бесплатный авторский экземпляр альманаха.

e-mail: ipo1972@mail.ru

Главный редактор альманаха: Алексеев Сергей Викторович